Переводы

Майкл Линч

Развивая Витгенштейна: решающий шаг от эпистемологии к социологии науки

Статья Майкла Линча посвящена анализу двух основных традиций социальных исследований науки: социологии научного знания и этнометодологическим исследованиям работы. Автор показывает, что две эти традиции, во многом опирающиеся на поздние работы Людвига Витгенштейна, близки, соответственно, к скептицистскому и антискептицистскому прочтениям аргумента Витгенштейна относительно действий по правилам. Используя в качестве примеров исследования научных открытий и работы математиков, Линч показывает, что этнометодологическая позиция предлагает гораздо более последовательное эмпирическое развитие идей Витгенштейна, поскольку не требует апелляции к внешним социальным факторам при изучении практик ученых.

Ключевые слова: Витгенштейн, этнометодология, социология научного знания, социология науки, скептицизм, антискептицизм, действие по правилам

Майкл Линч — американский этнометодолог, профессор Корнелльского университета. Его научные интересы касаются, главным образом, исследований науки и технологий. Один из самых успешных критиков «Сильной программы в социологии знания», предложенной Д. Блуром. На данный момент занимается изучением проблемы визуальной репрезентации в практике научной работы.

Lynch M. Extending Wittgenstein: the pivotal move from epistemology to the sociology of science // Science as practice and culture / Ed. A. Pickering. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 215–265. Пер. с англ. А. М. Корбута.

Дэвид Боген и Джефф Коултер прочитали и прокомментировали первый черновик данной статьи, и я чрезвычайно благодарен им за помощь. Я хотел бы так же поблагодарить Дэвида Блура, Гарри Коллинза и Стива Вулгара за их интеллигентные и полезные реплики на мои порой тенденциозные аргументы в настоящей статье.

В последние десятилетия в социологии знания укрепился и радикализировался эмпирический подход к традиционным эпистемологическим темам[1]. Сегодня в социальных исследованиях науки оформились, по крайней мере, две различные программы «эпистемической социологии» (Coulter, 1989). Более привычный подход, социология научного знания (sociology of scientific knowledge, SSK), вытекает из блуровского предложения изучать и объяснять «само содержание и сущность научного знания» (Блур, 2002: 1)[2]. Вто-

1 Эпистемологию часто отождествляют с фундаментализмом (foundationalism) — философской попыткой обоснования истинности научного знания. Обсуждаемые здесь социологические подходы рассматривают эпистемологические темы (наблюдение, экспериментирование, репрезентация и т. д.), при этом занимая ту или иную агностическую позицию по отношению к валидности научного знания. Хотя такой подход противоречит фундаменталистской эпистемологии (и укоренившему представлению о знании как правильном веровании), он совместим с конструктивистским, феноменологическим и некоторыми вариантами аналитической философии и философии обыденного языка. Статья Хакинга (Hacking, 1992) является примером эпистемологии с маленькой «э», которая совместима с интересом к локальным практикам ученых. Таким образом, социологические подходы можно рассматривать как эпистемологические или антиэпистемологические в зависимости от того, какого рода философские убеждения относятся к «эпистемологии».

2 «Социальные исследования науки» — это условное обозначение различных направлений релятивистских, конструктивистских и дискурс-аналитических исследований. Наиболее последовательная и признанная группа исследований по SSK появилась в Британии в 1970-е гг.; ее иногда называют «сильной программой» в социологии знания (Barnes, 1974, 1977; Bloor, 1973, 1976; Collins, 1975; Edge, Mulkay, 1976; MacKenzie, 1978; Shapin, 1979; Малкей, 1983). Хотя среди этих исследований не было единодушия, они придерживались конструктивистского (или, в некоторых случаях, релятивистского) прочтения Витгенштейна (Витгенштейн, 1994а, 1994в), а также Гессе (Hesse, 1974) и Куна (Кун, 2001), и использовали его как рычаг против сложившейся социологии науки, внедряемой Мертоном и его коллегами.
В последнее десятилетие во всем мире возникло множество школ и программ SSK, и в некоторых случаях был проведен более тщательный анализ эпистемологических тем. В современных работах рассматриваются такие классические проблемы эпистемологии, как репрезентация (Shapin 1984; Woolgar, 1988a, 1988b), «теоретическая нагруженность» наблюдения (Pinch, 1986), повторение экспериментов (Collins, 1985), формирование консенсуса (Amann, Knorr-Cetina, 1988), различение внутреннего-внешнего (Pickering, 1988) и рефлексивность (Knowledge and reflexivity, 1988). Латур (Latour, 1987, 1988) и его коллеги (Callon, 1986; Law, Callon, 1988) развивают то, что они называются «акторно-сетевой теорией». В этой схеме анализа действий конструирования мира учеными и инженерами предметом внимания являются «социальные» связи между учеными, группами интересов и организациями на том же самом (буквально) уровне, к которому относятся

рой подход, этнометодологические исследования работы в естественных науках и математике (ethnomethodological studies of work, ESW), является продолжением гарфинкелевских исследований обыденных практических действий и практического мышления (Garfinkel, 1967)[1]. Обе программы исследуют такие эпистемические темы, как визуальная и текстуальная репрезентация, эксперимен-

---

«технические» связи между учеными, оборудованием и «природными» феноменами (например, микробами, морскими гребешками, океанскими течениями, ветром и т. д.). Ученые и инженеры преуспели в создании прочных констелляций власти/знания, научившись рекрутировать и вербовать «гетерогенных союзников» при помощи различных риторических и макиавеллистских тактик с целью стабилизации этих сетей. Другая группа исследователей изучает деятельность ученых и инженеров, разрабатывая темы, сформулированные в американском прагматизме и символико-интеракционистской социологии (Star, 1983; Gerson, Star, 1987; Fujimura, 1987). Их работа смыкается с семиотическим подходом Латура и его коллег, а также с исследованиями Камброзио и Китинга (Cambrosio, Keating, 1988), делающими акцент на языке.

Эти социально-конструктивистские программы имеют ответвления и в других областях: в исследованиях технологических инноваций (The social shaping of technology, 1985; Law, 1986; The social construction of technological systems, 1987) и в экономике здравоохранения (Ashmore, Mulkay, Pinch, 1989), и даже соединились с мертоновской традицией в работах Гирина (Gieryn, 1983; Gieryn, Figert, 1990).

1 Под этнометодологическими исследованиями работы в науке я имею в виду исследования, проводившиеся с начала 1970-х годов Гарфинкелем и некоторыми его коллегами и студентами (см.: Garfinkel, Lynch, Livingston, 1981; Morrison, 1981; Lynch, Livingston, Garfinkel, 1983; Garfinkel et al., 1989; Lynch, 1985a; Livingston, 1986). Шэррок, Коултер, Андерсон и Хьюз тоже провели множество этнометодологических исследований науки и других профессий (Sharrock, Anderson, 1984; Anderson, Hughes, Sharrock, 1988). Их работы особенно важны для настоящей статьи, поскольку их экспликация Витгенштейна и критика сильной программы проложила путь, которым я буду здесь следовать. Исследование ситуативного использования технологии, осуществленное Сачмэн (Suchman, 1987), так же крайне важно для того подхода, который излагается в настоящей статье.

Академическая территория сложна и полна пересечений, поэтому ее сложно разделить на отдельные лагеря. Например, Малкей, Вулгар, Кнорр-Цетина, Йерли, Коллинз и Пинч используют этнометодологические темы и исследовательские стратегии, хотя в своей работе однозначно опираются на SSK. Встречное использование SSK можно найти в некоторых моих работах (Lynch, 1985b; Representation in scientific practice, 1990), хотя вы не найдете его в работах моих коллег по ESW. Так же следует отметить, что SSK и ESW не исчерпывают диапазон того, что Дональд Кэмпбелл (Campbell, 1979) называет «эпистемологически релевантными» исследованиями в области социологии науки. Я фокусируюсь на двух данных подходах отчасти в силу их обоюдной близости к поздним сочинениям Витгенштейна,

тальная практика, инструментально опосредованное наблюдение, аргументативное мышление и математические структуры. И хотя SSK и этнометодология имеют разные теоретические родословные, между ними, как отмечает Барнс, «имеются любопытные параллели, обусловленные их опорой на поздние работы Людвига Витгенштейна» (Barnes, 1977: 24).

Ни SSK, ни ESW не пытаются предложить «верное» прочтение Витгенштейна, поскольку их основной интерес заключается в использовании витгенштейновских работ, наравне с любыми другими подходящими материалами, для разработки и структурирования той или иной программы «эмпирических» исследований[1]. Несмотря на их общий долг перед Витгенштейном, SSK и ESW совершенно по-разному прочитывают его поздние труды[2]. В данной статье я покажу, что некоторые ключевые различия между исследовательскими программами ESW и SSK можно прояснить, связав их с известным философским спором по поводу взглядов Витгенштейна на действия по правилам. Одна из позиций в этом споре, «скептицизм в отношении правил», исходит из того, что Витгенштейн провозглашает неопределенность связи между правилами и поведением и возможность объяснения упорядоченных действий социальными конвенциями и выученными предрасположенностями. Противоположная «антискептицистская» позиция состоит в том, что Витгенштейн считает правила неотделимыми от практического поведения, и поэтому нет никаких оснований объяснять связь между правилами и поведением с помощью посторонних факторов. Хотя

а так же потому, что мне кажется важным прояснить связь между этими программами.

1 Гарфинкель открыто осуждает любые попытки связать этнометодологию с философскими предшественниками, хотя он предложил практику «неправильного этнометодологического прочтения» философов. Он предпочитает «неправильно читать» Гуссерля, Мерло-Понти и Хайдеггера и, в отличие от Шэррока, Андерсона и Коултера, гораздо меньше говорил о возможном резонансе с Витгенштейном. Цель данного эссе — не показать, что этнометодологию лучше рассматривать как ответвление философии Витгенштейна, а заимствовать в витгенштейнианской философии ряд сильных аргументов в поддержку этнометодологической исследовательской политики. Это не означает, что данная исследовательская политика создавалась для того чтобы следовать Витгенштейну.

2 Впечатление о глубине различий можно получить, ознакомившись с рецензией Блура (Bloor, 1987) на исследование работы математиков, проведенное Ливингстоном (Livingston, 1986), или, с другой стороны, с критическими отзывами этнометодологов на сильную программу (Sharrock, Anderson, 1984; Anderson, Hughes, Sharrock, 1988; Coulter, 1989: 30ff.).

может показаться, что это всего лишь заумный спор в узком кругу философов, я покажу, что две указанные несовпадающие позиции предполагают принципиально разные взгляды на эмпирику и на то, как ее можно изучать в социальных исследованиях науки. Мой основной аргумент будет состоять в том, что SSK предлагает скептицистское развитие идей Витгенштейна и что ее попытка социологического объяснения науки приводит к кризису в той «науке», которая осуществляет объяснение. Этнометодология, в противоположность тому, что часто говорят о ее программе, предлагает нескептицистское, но при этом и не реалистское или рационалистское, развитие идей Витгенштейна.

Проблема, с которой сталкиваются социальные исследования науки, состоит в том, что работы Витгенштейна не только указывают тот или иной путь от философии к социологии, но и, как демонстрирует Уинч (Уинч, 1996), глубоко проблематизируют возможность объяснительной социологии. Я покажу, что это гораздо более тяжелая проблема для скептицистской интерпретации Витгенштейна в SSK, чем для нескептицистского прочтения в ESW.

Ключевое значение Витгенштейна

Поздние работы Витгенштейна являются не единственным значимым философским источником для SSK и ESW. Экзистенциальная феноменология, прагматизм, потструктуралистские литературные теории и семиотика также признавались важными для того или иного направления исследований. Тем не менее, большинство считает Витгенштейна *ключевой* фигурой для «социологического поворота» в эпистемологии. Наиболее систематический анализ идей Витгенштейна в социальных исследованиях науки представлен в книге Блура «Витгенштейн: социальная теория знания» (Bloor, 1983), хотя Коллинз (Collins, 1985), Шэррок и Андерсон (Sharrock, Anderson, 1984), Вулгар (Woolgar, 1988a), Коултер (Coulter, 1989), Филлипс (Phillips, 1977), Пинч (Pinch, 1986), Ливингстон (Livingston, 1987), Линч (Lynch, 1985a) и многие другие напрямую обсуждали важность Витгенштейна для социальных исследований естествознания и математики. Витгенштейн также оказывает косвенное влияние через многие «куновские» темы, такие как «видение-как» и «парадигмы как образцы», столь часто обсуждающиеся в социологии науки. О важности Витгенштейна свидетельствует тот факт, что в литературе по социальным исследованиям науки понятия «формы жизни», «языковые игры» и «семейные сходства» часто используется без указания источника.

Центральный тезис Блура (Bloor, 1983, 1984) состоит в том, что философию Витгенштейна следует интерпретировать как «социальную теорию знания». С точки зрения Блура, поворотный

шаг Витгенштейна заключался в реконцептуализации центральных тем эпистемологии в качестве эмпирических проблем, требующих социологического исследования. Хотя Витгенштейн не упоминал социологию Дюркгейма и открыто отделял свой подход от бихевиоризма (Витгенштейн, 1994а, § 307–308; Luckhardt, 1983; Hunter, 1985: 129ff.), Блур утверждает, что в определенных отношениях подход Витгенштейна совместим с этими программами эмпирической социальной науки. Сталкиваясь с явными расхождениями между сочинениями Витгенштейна и Дюркгейма, Блур преодолевает их, отрекаясь от некоторых центральных положений Витгенштейна[1].

Блур не скрывает, что его цель — дополнить Витгенштейна эмпирической программой и что для этого он предлагает творческое прочтение Витгенштейна. Я ни имею ничего против, поскольку, как отмечает Хакинг (Hacking, 1984), нет никаких обоснований того, почему верность какой-либо философской традиции должна мешать попыткам проведения оригинальных социологических исследований. В любом случае, было бы сомнительным допускать, что «мысль» Витгенштейна или какой-либо иной фигуры допускает только одну «верную» репрезентацию (Рорти, 1997). Неправильное творческое прочтение может лучше способствовать обсуждению тех вопросов, которые поднимает Витгенштейн. К сожалению, Блур идет гораздо дальше, так как одновременно заявляет, что социологические исследования *необходимы* чтобы заменить витгенштейновскую «вымышленную естественную историю реальной естественной историей и воображаемую этнографию реальной этнографией» (Bloor, 1983: 5). Эти реалистские предложения превращают работы Витгенштейна в спекуляции, нуждающиеся в эмпирическом обосновании или коррекции[2], и полностью

1 Блур объясняет, почему Витгенштейн столь мало опирался на бихевиоризм или социологию Дюркгейма (или любую другую эмпирическую социальную науку своего времени) тем, что антисциентистские убеждения Витгенштейна (вероятно, отражающие влияние Шпенглера) не позволили ему заметить естественные сходства между его описанием языка и бихевиористскими исследованиями.

2 Как полагают Шэррок и Андерсон (Sharrock, Anderson, 1984), идеи Блура, касающиеся эмпирической науки, сразу принимают форму философского трактата. Хотя Блур цитирует и резюмирует множество исторических исследований и говорит, в чем мог бы заключаться эмпирической подход, его собственные работы носят программный характер. Ливингстон отмечает схожий момент в работах Блура: «Утверждая, что социологическое исследование „научного знания“ должно соответствовать канонам научной процедуры, Блур имеет в виду, что способ выражения должен соответствовать современным популярным философским теориям» (Livingston, 1979: 15–16).

противоречат отказу Витгенштейна от теории и эмпирики в пользу грамматических исследований. Блур бесспорно вдохновляется сочинениями Витгенштейна, даже если они не оправдывают его проект, но значительно более серьезная проблема состоит в том, что они подрывают многие программные заявления Блура.

Прежде чем продолжить критику блуровских представлений о Витгенштейне, я вернусь к базовым посылкам «сильной программы» Блура в социологии знания. Именно на них его философские убеждения оказали наиболее ощутимое влияние. Блур формулирует четыре основных принципа «сильной программы» (Блур, 2002: 5–6)[1]:

1. Социология знания должна быть каузальной, т. е. иметь в качестве своего предмета условия, вызывающие те или иные представления и состояния знания. Естественно, будут иметь место и другие, отличные от социальных, типы причин, которые соучаствуют в производстве представлений.
2. Социология знания должна быть беспристрастной в отношении истины и лжи, рационального и иррационального, достижений и провалов. Обе стороны данных дихотомий будут требовать объяснения.
3. Форма ее объяснений должна быть симметричной. Одни и те же типы причин будут объяснять, например, и истинные и ложные представления.
4. Социология знания должна быть рефлексивной. В принципе, ее объяснительные конструкции должны быть применимы к самой социологии. Подобно требованию симметрии, данный принцип является ответом на необходимость поиска общих объяснений. Это очевидное требование, так как в противном случае социология являла бы собой опровержение собственных теорий.

Эти принципы повлияли на огромное число исследований по социальной истории науки, но также стали мишенью

Следовательно, было бы вполне уместно анализировать аргументы Блура в контексте философских разработок, а не просто рассматривать их как самостоятельную социальную теорию, которую следует оценивать на эмпирических основаниях.

1 Я пока оставляю в стороне вопрос о том, действительно ли эти принципы лежат в основе различных исторических исследований, предпринятых в рамках сильной программы. Лаудан (Laudan, 1981) полагает, что в некоторых отношениях связь между этими принципами и исследованиями глубоко сомнительна.

многочисленной критики[1]. Каузалистские допущения Блура не получили широкого распространения в SSK[2], но его рекомендаций относительно беспристрастности и симметрии (принципы 2 и 3) придерживаются во всех основных направлениях конструкционистских и дискурс-аналитических исследований. Даже многие из тех, кто не согласен с эмпиристскими допущениями Блура и его объяснениями, отсылающими к социальным интересам, разделяют его скептическую позицию по отношению к притязаниям ученых-естественников и математиков на истину. Я не имею в виду, что Блур призывает не доверять теориям естественников и доказательствам математиков. «Симметрия» и «беспристрастность» требуют лишь того, чтобы любые теории, доказательства или факты рассматривались как «верования», которые следует объяснять социальными причинами. Скептицистский подход Блура носит прежде всего методологический характер, поскольку его цель — нейтрализовать объяснительную силу «интерналистских» описаний ради усиления того или иного социального или конвенционалистского объяснения естествознания и математики. Хотя эта стратегия определенно окупилась в качестве стратегии социологических исследований, скептицистская позиция вызывает серьезные философские возражения.

Витгенштейн и скептицизм в отношении правил: экстерналистское прочтение

В своем очерке «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке» (Крипке, 2010) Сол Крипке анализирует взгляды Витгенштейна на следование правилам. Он полагает, что Витгенштейн излагает новое решение классической скептической проблемы детерминации действий правилами. По мнению Крипке, Витгенштейн первоначально принимает скептицистский тезис о том, что действия не предопределяются правилами, но затем предлагает социально-конструктивистское решение проблемы возможности упорядоченного поведения. Крипке не единственный философ,

1 К критикам относятся Лаудан (Laudan, 1981), Тернер (Turner, 1981), Вулгар (Woolgar, 1981), Андерсон и соавторы (Anderson, Hughes, Sharrock, 1988) и Коултер (Coulter, 1989). В сборнике под редакцией Холлиса и Люкса (Rationality and relativism, 1982) есть несколько статей, анализирующих плюсы и минусы этого подхода. Барнс (Barnes, 1974, 1977, 1982) и Шейпин (Shapin, 1982) тоже анализируют центральные принципы сильной программы.

2 Программные заявления и споры по поводу этих тем представлены в сборнике под редакцией Кнорр-Цетины и Малкея (Science observed, 1983).

приписывающий скептицистские и конвенционалистсткие взгляды Витгенштейну (ср.: Dummett, 1968, и менее однозначную позицию: Cavell, 1976), но его очерк вызвал особенно жесткую критику в кругах витгенштейнианцев (Бейкер, Хакер, 2008; Baker, Hacker, 1985; Hanfling, 1985; Shanker, 1987). Витгенштейн обсуждает правила и в некоторых других рукописях и заметках[1], однако спор между Крипке и его критиками касается в основном §§ 143–242 «Философских исследований» (ФИ)[2], где Витгенштейн анализирует свой знаменитый пример с рядом чисел (частично этот аргумент воспроизводится и в витгенштейновских «Замечаниях по основаниям математики» [Витгенштейн, 1994б, ч. I]).

В типичной для поздних сочинений Витгенштейна манере текст насыщен многочисленными линиями аргументации, а также серией частично пересекающихся или аналогичных примеров. Вопросы ставятся и остаются без ответа, и иногда сложно отследить, когда Витгенштейн высказывает свою собственную точку зрения, а когда он говорит от лица одного из своих собеседников. Несмотря на его сложность или, возможно, *благодаря* ей, данный аргумент был реконструирован во множестве вторичных и третичных источников и довольно стандартная его версия такова: Витгенштейн придумал «языковую игру», в которой учитель дает ученику задание написать ряд чисел согласно определенному правилу (ФИ, § 143). Эта языковая игра и ее воображаемые ловушки стали парадигмой для арифметических правил, а также других упорядочиваемых правилами видов деятельности, вроде игры в шахматы. В основной части своего аргумента Витгенштейн просит нас представить (ФИ, § 185ff.), что ученик овладел рядом натуральных чисел и что мы предложили ему серию упражнений и тестов, связанных с рядом «n + 2» для чисел меньше тысячи.

> Теперь мы просим учащегося продолжить ряд за тысячу (скажем, по команде «+ 2») — а он записывает: 1000, 1004, 1008, 1012.
> Мы говорим ему: «Посмотри, что ты делаешь!» — Он нас не понимает. Мы говорим: «Ты должен прибавлять „два“: смотри, как ты начал ряд!» — Он отвечает: «Да! А разве это неверно? Я думал, что *нужно* делать так».

---

1 См. в особенности «Замечания по основания математики» (Витгенштейн, 1994в), «Zettel» (Wittgenstein, 1967), а также сборник конспектов его лекций по математике под редакцией Даймонд (Wittgenstein, 1976). Малкольм обсуждает материалы из неопубликованной рукописи (Malcolm, 1989).

2 Здесь и далее цитаты из «Философских исследований» даются в переводе М. С. Козловой (Витгенштейн, 1994а). — *Прим. перев.*

Согласно скептицистскому прочтению, «ошибка» ученика обнаруживает, что его предыдущее действие логически совместимо с воображаемым рядом «добавить 2 к 1000, 4 к 2000, 6 к 3000». Поскольку ученику не давали примеров для чисел более 1000, его понимание правила совместимо с опытом. При достаточном воображении можно произвести множество преобразований. Коллинз, например, говорит, что правило «добавить 2, затем еще 2, затем еще и т. п.» «не специфицирует полностью, что́ мы должны делать... поскольку этой инструкции можно следовать, записывая „82, 822, 8222, 82 222“, или «28, 282, 2282, 22 822», или «8^2» и т. д. Каждый из этих рядов в некотором смысле представляет собой «добавление 2»» (Collins, 1985: 13). Поскольку мы можем придумать бесконечное разнообразие пониманий формы «„$n + 2$“, основываясь на бесконечном ряде примеров, которые ученик ранее сосчитал, создается впечатление, что мы пришли к радикально релятивистской позиции: «Наш парадокс был таким: ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом. Ответом служило: если все можно привести в соответствие с данным правилом, то все может быть приведено и в противоречие с этим правилом. Поэтому тут не было бы ни соответствия, ни противоречия» (ФИ, § 201).

Но затем Витгенштейн говорит, что данный парадокс основан на допущении, что наше понимание правила определяется «интерпретацией», т. е. индивидуальным мнением о смысле правила, оторванным от регулярных практик какого-либо сообщества. На самом же деле, добавляет он, правило высказывается и понимается в контексте регулярностей нашего совместного поведения. Воображаемые варианты счета редко, если вообще когда-либо, вторгаются в нашу практику. И математики не ведут яростных споров о правилах своей практики (ФИ, § 212). Они просто следуют правилу как «само собой разумеющемуся» (ФИ, § 238).

Однако здесь возникает вопрос: почему? Или, скорее: каким образом мы столь непроблематично распространяем правила на случаи, к которым мы его ранее не применяли? Кажется, что ответ предполагает апелляцию к социологии. Витгенштейн видит сходство между следованием правилу и подчинением приказу (ФИ, § 206ff.) и отмечает, что понятия правила, приказа и регулярности могут иметь место только в системе совместного поведения. Как формируется такое упорядоченное действие? Посредством примера, наставления, выражения согласия, упражнения и даже запугивания: «Если задание продолжить ряд мне дает кто-то, кого я боюсь, то я действую быстро и с полной уверенностью, и нехватка оснований не беспокоит меня» (ФИ, § 212).

Поскольку мы действуем в соответствии с правилами счета, причина этого находится не в *формальной* математике, а в нашей «форме жизни» (ФИ, § 242). Нашу практику — и практику ученика, если он обучается ей, — ограничивает не правило само по себе, а социальные конвенции следованию ему определенным образом. Если и есть смысл говорить, что логика «вынуждает» нас, то только в том смысле, что мы «вынуждены признать одно поведение правильным, а другое — ошибочным, поскольку мы считаем форму жизни само собой разумеющейся» (Bloor, 1976: 125).

Упорядоченный счет, таким образом, зависит от социальных конвенций, которым мы обучаемся посредством упражнения, конвенций, которые приписываются и навязываются нам нормативными практиками окружающего социального мира (Bloor, 1983: 121). Или, если мы считаем понятия «совместное поведение людей» или «формы жизни» применимыми шире, нежели только к нормам конкретной социальной группы, мы можем использовать наши общие биологические и психологические способности. Учитывая, что математика (в данном случае, элементарная арифметика) относится к числу наших наиболее сложных видов деятельности, управляемых правилами, можно предположить, что Витгенштейн высказывает сильный аргумент в пользу обращения к социологии и другим эмпирическим наукам для объяснения порядка в математике[1]. То, что справедливо в отношении правил, также может быть справедливым в отношении естественнонаучных теорий: они не предопределяются фактами, так как ни одна теория не может быть однозначно подтверждена конечным набором экспериментальных данных. Следовательно, если в отношении теории достигается консенсус, это объясняется не фактами самими по себе, а социальными конвенциями и общими институтами, разделяемыми членами научного сообщества. Эти аспекты коммунальной жизни серьезно сужают поле возможных теоретических описаний до одной или немногих социально признаваемых и одобряемых версий. Коллективная привычка, а в более бурные периоды, — интенсивное убеждение и даже принуждение, ограничивают диапазон осмысленных теоретических альтернатив.

1 В своей книге 1983 г. Блур более открыт, чем в статье 1973 г., для возможности присоединения экспериментальной психологии и биологии к социологии с целью эмпирического воплощения философии Витгенштейна. Коллинз (Collins, 1985: 15) использует витгенштейновский аргумент «индивидуального языка» для исключения психологии (и, вероятно, биологии) из такого рода исследований. Обсуждение «органического» — но не биологического в строгом смысле слова — объяснения отсылок Витгенштейна к «формам жизни» см в: Hunter, 1971.

В этом месте необходимость апелляции к социальным исследованиям науки должна стать совершенно очевидной. Скептицистское прочтение Витгенштейна предоставляет содержание математики и естественных наук в распоряжение социолога, поскольку наиболее элементарные процедуры арифметики и теоретические законы физики могут теперь рассматриваться в качестве выражающих «совместное поведение людей», а не как трансцендентные законы разума или внутренние отношения в платонической области чистых математических форм. Предполагаемый этим аргументом эктернализм не требует объяснять поведение естественников или математиков нормами или идеологическими силами, существующими во «внешнем» обществе. Хотя дверь для таких объяснений уже приоткрыта, данный аргумент так же позволяет возлагать ответственность за конвенциональные практики их членов на относительно малые и закрытые дисциплинарные сообщества («ядерные коллективы» в терминологии Коллинза: Collins, 1975). Противоречия в пределах научных полей особенно важны для SSK, поскольку они демонстрируют разногласия внутри релевантных эпистемических сообществ относительно теорий, фактов или процедур. Общепринятый метод в SSK — использование исторического исследования (дополненного, по мере возможностей, интервью) для демонстрации социального процесса, посредством которого происходит «снятие» определенных противоречий. Согласно таким исследованиям, интерпретативные возможности, которые оставались открытыми в разгар полемики, закрываются, когда успешная теория закрепляется в сообществе. После этого может казаться, что победившая теория обошла своих соперниц благодаря лучшим экспериментальным показателям, но сторонники SSK утверждают, что большую часть времени такой прямой конфронтации не наблюдается. Теоретические возможности, которые никогда не подвергались окончательной проверке или фальсификации, просто закрываются в черном ящике[1], и с этого момента успешная теория воспринимается как правильная

1 Пинч и Байкер выдвигают схожий аргумент относительно технологических инноваций (Pinch, Bijker, 1984), доказывая, что на ранних фазах социальной истории изобретения можно обнаружить свидетельства множества траекторий. Постепенно эти альтернативы закрываются, и начинает преобладать одна модель или их небольшое число, например, велосипед, холодильник или персональный компьютер. Пинч и Байкер подчеркивают роль групп интересов в этом процессе и противопоставляют свою социально-конструктивистскую точку зрения технологическому рационализму, который предполагает, что сужение числа альтернатив до одной конкрет-

теория, главное обоснование которой состоит в ее соответствии «реальности» и /или ее сообразности «разуму»[1]. В таком случае, различие между нормальной и революционной наукой становится вопросом того, оспариваются эксплицитно открытые возможности развития естествознания или математики или они остаются в тени само собой разумеющегося габитуса «готовой науки» (Latour, 1987)[2].

Витгенштейнианская критика скептицизма

Хотя скептицистский тезис Крипке относительно примера со следованием правилу может быть совместим с объяснительными программами Блура и других социологов, его обвинили в фундаментально ошибочном прочтении Витгенштейна. Стюарт Шенкер, например, утверждает, что Крипке неправильно понимает процитированный выше ключевой пассаж из § 201 «Философских исследований»: «Совершенно не будучи скептиком, Витгенштейн с самого начала и всегда ставил перед собой задачу... опровергнуть скептическую позицию, продемонстрировав ее бессмысленность. „Потому что сомнение существует только там, где существует вопрос, вопрос — только там, где существует ответ, а ответ — только там, где что-то *можно сказать*“» (Shanker, 1987: 4).

По мнению Шенкера, Крипке не учитывает, что данный пассаж «представляет собой кульминацию последовательного *reductio ad absurdum*» (Shanker, 1987: 14). Суть аргумента Шенкера состоит в том, что Крипке интерпретирует Витгенштейна в привычных терминах эпистемологического спора реалистами и антиреалистами[3].

ной модели отражает законы эффективности. Исследование, в котором критикуются эти и связанные с ними аргументы, см. в: Jordan, Lynch, 1992.

1 Башляр (Башляр, 1987) отмечает, что, хотя рационалисты и реалисты сидят по разные стороны эпистемологического забора, их аргументы играют схожую оправдательную роль в научных дискуссиях. Обе стороны описывают ту же самую дуальность: с одной стороны — природа, с другой — прочие рациональные процедуры корректного выявления тайн природы. Разумеется, между философиями, делающими основной акцент на первом и на втором моменте, существуют серьезные различия, а внутри реализма есть разные позиции, некоторых из которых придерживаются и энтузиасты сильной программы.

2 Конечно, SSK — это нечто гораздо большее, чем разработка одного программного аргумента. Спор с прочтениями Витгенштейна, предложенными Блуром, Коллинзом и другими, как мне кажется, привлекает внимание к ряду ключевых проблем, но не перечеркивает многие провокационные дискуссии и интересные исследования в SSK.

3 Сочинения Витгенштейна возмутительно туманны, и их прояснению было посвящено множество академических работ. Нередко, прежде чем

Согласно Шенкеру, Витгенштейн не поддерживает ни одну из сторон этого спора, и поэтому любая попытка отнести его аргументы к тому или иному лагерю означает полное его непонимание: «Но если предпосылка не верна — если Витгенштейн не принадлежит ни к одной из интеллектуальных школ, по той же самой причине, по какой он вступил на путь, который должен был лишить оснований разделение на реалистов и антиреалистов, — тогда „скептическая“ интерпретация «Замечаний по основаниям математики» мгновенно распадается» (Shanker, 1987: 4).

Согласно реконструкции Шенкера, Витгенштейн приводит пример с рядом чисел, чтобы продемонстрировать абсурдность «квазикаузальной» картины следования правилам, в которой правило представляется «абстрактным объектом, связанным с ментальным механизмом». Витгенштейн замещает эту детерминистскую картину представлением, подчеркивающим практическое основание следования правилу. «Впечатление», что правило направляет наше поведение, отражает «*непреклонность, с которой мы его применяем*» (Shanker, 1987: 17–18).

Пока аргумент вполне совместим с выводом, который делают из этого примера Коллинз, Блур и другие сторонники SSK. Однако вскоре позиции расходятся. Скептик продолжает витгенштейновское *reductio ad absurdum* до тех пор, пока не будет гарантирован отказ от квазикаузальной картины, но затем делает вывод, что правил недостаточно для объяснения действий. Перенесенный в область социологии знания, этот вывод мотивирует поиск альтернативных объяснений того, как возможно упорядоченное действие. Место, освобожденное рациональным влечением, занимают социальные конвенции и интересы.

Основополагающим шагом скептицистской стратегии является *отделение формулировки правила от формулируемой им практики* (его расширения). Когда изложение правила отделено от практик, распространяющих его на новые случаи, связь между ними становится проблематичной: никакое правило не предопределяется предшествующими практиками, которые считаются соответствующими ему, и даже самая тщательная проработка правила не способна исключить неправильные интерпретации, совместимые с буквальной формой его выражения. Эту неопределенность исправляет скептицистское

переходить к критике, прояснения начинаются с отнесения позиции Витгенштейна к той или иной стороне в известных спорах о реализме — антиреализме, позитивизме — идеализме, объективизме — конструктивизме и структурной детерминации — методологическом индивидуализме. Та же судьба постигла феноменологические и этнометодологические работы.

решение, в котором для объяснения связи между правилами и их интерпретациями используются внешние источники влияния. Эти внешние источники включают социальные конвенции, коммунальный консенсус, психологические предрасположенности и социализацию — координацию привычек мышления и действия, которая ограничивает альтернативные интерпретационные возможности. Тогда можно сформулировать целую батарею вопросов для будущего исследования: Каким образом эти конвенции устанавливаются и поддерживаются? Как достигается консенсус перед лицом неопределенности и противоречивости? Какой вклад вносят наша биологическая конституция, когнитивная структура и социальные связи?

Шенкер, в противоположность скептическому решению, доказывает, что «цель *reductio ad absurdum* определенно не в том, чтобы поставить под вопрос осмысленность или определенность практики следования правилу» (Shanker, 1987: 25). Выход из скептического парадокса заключается не в принятии антиреалистской эпистемологической позиции, а в изучении «грамматики». «Кризис оснований» в эпистемологии (спор реалистов и антиреалистов) возник вследствие вопросов, не имеющих ответа, а Витгенштейн предложил способ «развенчания» этих вопросов. Поэтому цель его демонстрации заключалась не подрыве объективности, а в прояснении того, «в каком смысле математическое знание может быть названо объективным» (Shanker, 1987: 62), что не тождественно утверждению, будто это знание имеет объективное или трансцендентальное основание. Для Шенкера «внутренняя» связь между правилом счета двойками и действиями, совершаемыми в соответствии с ним, не является недостаточным основанием для распространения правила на новые случаи. И нет никакой необходимости искать такое основание в психологических и биологических механизмах или во внешних социальных конвенциях.

Бейкер и Хакер (Бейкер, Хакер, 2008; Baker, Hacker, 1985) в обширных комментариях к «Философским исследованиям» тоже оспаривают предложенное Крипке скептицистское прочтение примера с рядом чисел. Их мишень — то, что они называют «точкой зрения сообщества»: позиция, гласящая, что следование правилу детерминируется образцами мышления, санкционированными поведением сообщества. Бейкер и Хакер порой слишком увлекаются опровержением точки зрения сообщества[1], однако

1 Например, Бейкер и Хакер говорят, что тезис о сообществе «влечет, что „согласие людей решает, что является истинным, а что ложным“. Но это, конеч-

их наиболее убедительные аргументы заслуживают того, чтобы их воспроизвести. На их взгляд, проблема начинается с того, как скептик изначально ставит вопрос. Они полагают, что скептический вопрос «Как такой объект, как правило, может детерминировать бесконечное множество соответствующих ему актов?» ошибочен. Как говорит относительно схожего вопроса Витгенштейн: «„Но разве переходы от числа к числу *не* определяются алгебраической формулой?“ — В самом этом вопросе кроется ошибка» (ФИ, § 189). Данный вопрос предполагает независимость правила и его расширения, как если бы правило было внешним по отношению к действиям, осуществляемым в соответствии с ним.

но, нонсенс. Мир определяет *истину*; согласие людей определяет значение» (Бейкер, Хакер, 2008: 122–123). Это явный парафраз Витгенштейна: ««Итак, ты говоришь, что согласием людей решается, что верно, а что неверно? „ — Правильным или неправильным является то, что люди *говорят*; и согласие людей относится к *языку*. Это — согласие не мнений, а формы жизни“ (ФИ, § 241). Витгенштейн не упоминает здесь мир и ничего не говорит о том, что́ определяет истину. Скорее, в данном отрывке он отождествляет «что верно, а что неверно» с тем, что люди «говорят». Я читаю это как отнесение того, «что верно, а что неверно» (а не «истины»), к грамматике речи. Возможно, то, что говорят люди, и не является вопросом «согласия» в каком-либо поверхностном смысле, но нет никаких оснований соотносить это с «миром». В приведенном пассаже Витгенштейн использует иные термины для «согласия». Используемый им термин, обозначающий согласие в языке, больше соответствует английскому слову «созвучие» или «гармония», поскольку основан на музыкальной метафоре, на которую указывает немецкое слово *Übereinstimmung* (см.: Bogen, Lynch, 1990). Многие из критических аргументов Бейкера и Хакера, направленных против точки зрения сообщества, следует принять во внимание, как и их последующее обсуждение «согласия с правилом» в книге 1985 г. Но как убедительно показывает Малкольм (Malcolm, 1989), их энергичная атака на точку зрения сообщества порой приводит к индивидуализму, отрицающему или игнорирующему постоянный акцент на согласованной практике людей в работах Витгенштейна о правилах. Малкольм убедительно показывает, что́ имеет в виду Витгенштейн под «молчаливым согласием» и «консенсусом в действии» при обсуждении правил. Это согласие отличается от согласия мнений, но не менее социально. «Мне кажется очевидным… что Витгенштейн *действительно* говорит, что понятие следования правилу „социально по своей сути“ — в том смысле, что его истоком может быть только ситуация, в которой есть *люди*, ведущие совместную жизнь и обладающие общим языком» (Malcolm, 1989: 23). Обратите внимание, что это далеко от признания крипкевской точки зрения или того социологического прочтения Витгенштейна, которое предлагает Блур. Хантер (Hunter, 1973, 1985) и Кейвелл (Cavell, 1979) так же предлагают точки зрения на правила и скептицизм, которые менее враждебны по отношению к любым «социальным» прочтениям Витгенштейна, но их взгляды не очень соответствуют подходу SSK.

Скептицистская интерпретация поддерживает квазикаузальную картину следования правилу, поскольку она никогда не отказывается от поиска объяснительных факторов, лежащих по ту сторону или в основании практики следования правилу. Крипкевский скептик согласен, что формула ««*n* + 2» не может принуждать к согласию, но затем он ищет причину в другой области (Бейкер, Хакер, 2008: 150). Однако если признается, что между правилом и его расширением существует «внутренняя» связь — что нет никакого смысла говорить о правиле счета двойками в отрыве от организованных практик, «расширяющих» его для новых случаев, — тогда эпистемологическая загадка испаряется. «„*Каким образом* правило определяет это как свое применение?“ имеет не больше смысла, чем: „Как эта сторона монеты определяет другую сторону как себе противоположную?“» (Бейкер, Хакер, 2008: 151).

Эта аналогия может вызвать недоумение, учитывая, что формулировки правил обычно делаются на бумаге и вешаются на стены и часто повторяются отдельно от любых актов, которые следуют или не следуют им. Чтобы прояснить этот момент, рассмотрим следующий пассаж из неопубликованной рукописи Витгенштейна (цит. по: Malcolm, 1989: 8):

> Правило может побудить меня к действию лишь в том же смысле, в каком и любое словесное указание, например, приказ. И если бы люди не согласовывали свои действия по правилам и не могли согласиться друг с другом, это было бы равносильно тому, что они не могут договориться о смысле приказов или описаний. Это было бы «смешение языков», и можно было бы сказать, что хотя все они сопровождают свои действия произносимыми звуками, тем не менее, это не язык.

Малкольм читает это следующим образом: «Правило определяет *только* то, что относится к ситуации молчаливого согласия». В отсутствие такого согласованного действия правило становится «голым» и «выражающие правило слова лишены веса и жизни» (Malcolm, 1989: 9). Это означает и нечто большее, например, правила дорожного движения мало «весят» в Бостоне, так как водители рутинно игнорируют их. Это означает, напротив, что осмысленность правила поддерживается способом практической настройки. Такая настройка осуществляется в пределах и в качестве самого порядка действий, которые уже имеются в момент формулирования, зримого нарушения, игнорирования или очевидного следования правилу. Изложение правила или порядка — составная часть этих действий, а не отдельный казуальный агент, воздействующий на них.

Следуя правилу, мы часто не «интерпретируем» его, как если бы его значение каким-то образом целиком содержалось в абстрактной формулировке. Мы действуем «слепо», и мы демонстрируем наше понимание, *действуя* сообразно и не обязательно формулируя нашу «интерпретацию». Конечно, правило можно неправильно проинтерпретировать, и порой мы задаемся вопросом, каковы правила и как мы можем их применить в конкретной ситуации. Но такие случаи не оправдывают общую скептическую позицию по отношению к правилам и не говорят о том, что обычно мы интерпретируем правила с целью их использования в наших действиях (Бейкер, Хакер, 2008: 147–149).

Важно понимать, что антискептицистский аргумент не возвращает нас к более привычному «интерналистскому» или рационалистскому взгляду[1]. Кроме того, несмотря на спорадические реалистские высказывания Бейкера и Хакера, данный аргумент не поддерживает целиком и полностью эпистемологический реализм. Напротив, он отвергает оба варианта экстернализма: 1) платоническую позицию, состоящую в том, что трансцендентальные объекты математики определяют практики математиков, и 2) скептическую позицию, состоящую в том, что связь между правилами и поведением объясняется чем-то еще (нормами сообщества или психологическими предрасположенностями).

Что же значат эти философские аргументы для SSK? Наиболее неутешительное применение антискетицистского аргумента заключается в том, что «содержание», которое Витгенштейн Блура передает в ведение социологии, теперь возвращается обратно и накрепко привязывается к практикам

1 Различение между внутренним и внешним в подходе Бейкера и Хакера не следует путать с интерналистским-экстерналистским различением в объяснениях научного прогресса. В некотором смысле, их позиция близка «интерналистской». Организованная практика (например, счет) демонстрирует свою рациональную организацию (т. е. свою упорядоченность в соответствии с релевантными правилами). Однако это не означает, что рациональность управляет практикой или что практику можно объяснить, указав на набор правил. Опять же, цитата из Витгенштейна может помочь прояснить имеющуюся здесь в виду «внутреннюю» связь между правилом и практикой: «Предположим, мы умножаем огромные числа — с тысячами знаков. Предположим, с какого-то момента получаемые людьми результаты начинают расходиться. Предотвратить это расхождение невозможно: даже когда мы проверяем их результаты, они все равно расходятся. Какой результат был бы правильным? Смог бы кто-нибудь получить его? Может ли вообще быть правильный результат? — Я бы сказал: „Теперь это перестало быть счетом“» (Wittgenstein, 1976; цит. по: Malcolm, 1989: 14).

математиков и естественников, хотя и не в терминах всеобъемлющей рациональности или реальности. Если следовать витгенштейновскому *reductio*, то правило счета двойками выступает адекватным членским описанием. Ученик в примере Витгенштейна не демонстрирует возможную интерпретацию правила; скорее, его действия не подчиняются правилу. Для членов его действия демонстрируют непонимание, а не релятивистский характер смысла или применения правила. Вместе с тем, непроблематичное расширение правила не требует независимого обоснования за пределами организованных практик счета. Это правило счета двойками, в пределах счета двойками и в качестве счета двойками. Формулировка правила не предопределяет его расширение, а смысл правила не накладывает отпечаток на любые действия, осуществляемые в соответствии с ним. Неопределенный ряд действий поддерживает осмысленность правила «слепо», без остановки на интерпретацию, обдумывание или обсуждение. Это социальный феномен? Несомненно. Можно ли его объяснить с помощью понятий, принятых в исследовательской области под названием «социология»? Не в той социологии, о которой мы обычно думаем.

Проблема для социологии заключается в том, что правило счета двойками встроено в практику счета. Счет — упорядоченный социальный феномен, но только в тривиальном смысле, если речь идет о каузальной, объяснительной, научной социологии. То же самое относится к более сложным математическим практикам. Консенсусный характер математики выражается и описывается математически, т. е. он доступен в действиях осуществления осмысленной математики. Это не означает, что практики математиков полностью и однозначно репрезентируются математическими формулами, но такую репрезентацию нельзя сконструировать, ничего не упустив. Определение содержания математики и естественных наук в качестве социальных феноменов оказывается пирровой победой для социологии.

Кажется, мы пришли к не самым утешительным выводам для социологии науки. Неоинтерналистская точка зрения, высказанная Шенкером, Бейкером и Хакером, предоставляет мало оснований для социологического развития проекта Витгенштейна. Математика и естествознание (не говоря уже о бесконечном множестве других теоретически-обоснованных или правилосообразных видов деятельности), похоже, не нуждаются в социологах, которые покажут им, что они упускают в силу своих реалистских предубеждений. Латур (который отчасти симпатизирует конструктивистской социологии науки) описывает эту проблему наиболее красноречиво:

> Но где нам взять понятия, слова, инструменты, которые сделают наше объяснение независимым от изучаемой науки? Должен признать, устойчивого набора таких понятий не существует, особенно в так называемых гуманитарных науках, в частности — социологии. Социология, изобретенная в тот же самый период и теми же самыми людьми, которые изобрели сциентизм, не способна понять навыки, от которых она так долго была изолирована. Поэтому о социологии наук я могу сказать: «Храни меня от друзей, я лучше буду иметь дело с врагами», потому что если мы поставим перед собой цель объяснить науки, то вполне может статься, что первыми пострадают науки *социальные*. (Latour, 1988: 9)

Эта цитата сжато описывает дилемму любой программы «социального» объяснения, которая пытается показать, что «содержание» других дисциплинарных практик определяется особой конфигурацией социологических факторов. Если, как полагает Латур, объяснять практику — значит использовать понятия, которые независимы от изучаемой практики, тогда объяснительные понятия SSK должны быть независимы от гетерогенных «навыков» в объясняемых дисциплинах. Но так как аналитический язык социологии не оторван от повседневных терминов, посредством которых ученые (и другие компетентные носители языка) выстраивают эффективные связи с миром, в котором они действуют, каузальная социология науки требует ни много ни мало полного преодоления обыденного языка[1].

1 Хотя Латур точно идентифицирует проблему (см. также: Callon, 1986) и отрицает возможность каузальной или объяснительной SSK, его собственное решение проблемы заключается в обращении к семиотике и заимствованию из нее набора понятий, которые, по его мнению, аналитически независимы как от общей (т. е. академической) социологии, так и от ситуационных социологий изучаемых дисциплин. Тем самым, он предлагает программу даже более радикального «отстранения» от поля употребления языка, чем критикуемые им социологи. Витгенштейн, напротив, пытается сделать употребление языка наглядным, при этом не дистанцируя «наблюдателя» от употребляемых понятий. Вместо этого он обращает эксплицитное внимание на употребительные (т. е. ситуативные, окказиональные, индексальные) свойства привычных выражений и на «молчаливое согласие», лежащее в их основе. В своих воображаемых «антропологических» примерах Витгенштейн указывает на общее основание осмысленности, предоставляемое такими первичными языковыми играми, как приветствия, директивы и реакции на них, отдавание и получение приказов и т. д. (См.: Jordan, Fuller, 1974, где предлагается антропологическое иссле-

Но даже если антискептицистский аргумент убеждает нас в абсурдности регрессивных попыток объяснить следования правилу, что нам делать с совершенно ясными отсылками Витгенштейна к обучению, упражнению, обычаю, совместной практике и публичной демонстрации применения языка? Составляют ли они «социальную теорию знания», как уверяет Блур? Проблема в том, что, по мнению Блура, формулируемое Витгенштейном «социологическое» объяснение санкционирует распространение существующих социологических понятий и методов на такие области, как логика, математика и естественные науки. «Математика и логика — это наборы норм. Логика и математика имеют тот же онтологический статус, что и институт. Они социальны по своей природе. Из этой идеи прямо следует, что деятельность вычисления и вывода может исследоваться тем же самым способом и проясняться с помощью тех же самых теорий, как и любая другая совокупность норм» (Bloor, 1973: 189).

Блур не замечает, что аргументы Витгенштейна применимы к реалистской и рационалистской социологии не менее успешно, чем к математическому реализму и логицизму. Уинч (Уинч, 1996) и Шэррок и Андерсон (Sharrock, Anderson, 1985) указывают, что Витгенштейн не столько допустил социологию к естественным наукам и математике, сколько поставил под угрозу любые аналитические социальные науки. Это касается не только социологических попыток научного объяснения науки, но и попыток объяснения религиозных верований, магических ритуалов и обыденных действий. Чтобы пойти по пути, указанному Витгенштейном, социология должна выработать радикально иное представление о своей задаче. Блуровские попытки соединения

дование данного вопроса.) Обратите внимание, что проводимое Витгенштейном в следующем пассаже различение делает акцент на социальном поле, в котором эти совместные практики принимают узнаваемую форму: «Если бы кто-то приехал в чужую страну, язык которой он не понимает, для него в целом не составило бы труда понять, когда отдается приказ. Но можно также приказать что-то сделать самому себе. Если бы, однако, мы наблюдали за Робинзоном, который отдает себе приказ на незнакомом нам языке, нам было бы гораздо труднее его узнать» (цит. по: Malcolm, 1989: 24). В этнографических исследованиях естественнонаучных и других специализированных дисциплин такие знакомые действия, как приказы, вопросы, инструкции и т. д. предоставляют исходное, хотя далеко не полное, основание для понимания осмысленности специализированных действий. Изучение более специфических языковых игр требует анализа изнутри изучаемой среды. Такое исследование ставит задачу скорее погружения, чем дистанцирования.

аргументов Витгенштейна со схемами Дюркгейма или Мэри Дуглас ведут не в тупик.

Именно здесь на сцене появляется этнометодология, но чтобы представить ее как программу, продолжающую начинания Витгенштейна, нам необходимо прояснить некоторые запутанные моменты как в самой этнометодологии, так и в отношении к ней[1]. Этнометодология становится все более разрозненной дисциплиной, несмотря на непрекращающиеся попытки рецензентов и авторов учебников определить ее теоретическую и методологическую программу. Хотя многие этнометодологи по-прежнему придерживаются более радикальной «рефлексивной» этнометодологии, образцом которой являются основополагающие работы Гарфинкеля (Garfinkel, 1967), ответвление этнометодологии, известное под именем конверсационного анализа, становится все более совместимым с аналитическими социальными науками. Для усложнения картины можно добавить, что многие социальные ученые предлагают явно скептическое прочтение этнометодологии. Вулгар (Woolgar, 1988a), например, интегрирует некоторые «ключевые понятия» Гарфинкеля в скептическую традицию исследований науки. Он относит индексальность и рефлексивность к «методологическим кошмарам», преследующим любые попытки научной репрезентации.

Антискептицистское прочтение Витгенштейна подсказывает способ понимания того, что я считаю специфически этнометодологическим подходом к языку и практическому действию, подходом, который избегает как ловушки социологического скептицизма, так и ловушки эпистемологического скептицизма. Чтобы прояснить этот момент, в следующем разделе я эксплицирую аргумент Гарфинкеля и Сакса относительно связи между «формулировками» и практическими действиями, который, как мне кажется, совместим с антискептицистским прочтением Витгенштейна. В заключительных разделах статьи

---

1 Как было сказано в сн. 6, Гарфинкель и другие этнометодологи приуменьшают важность Витгенштейна. В философской генеалогии этнометодологии обычно бóльшую роль отводят Шюцу и феноменологии (Heritage, 1984, ch. 3). Не погружаясь в сложные академические штудии, я лишь скажу, что ранние разработки в области конверсационного анализа и гарфинкелевские исследования практик объяснения и повседневного использования правил демонстрируют сильный витгенштейнианский уклон. В другом тексте (Lynch, 1988b) я уже отмечал, что те исследования науки, которые проводятся в рамках SSK и этнометодологии, снижают ценность Шюца, но сказать то же самое о Витгенштейне нельзя. Однако, как я говорил выше, это не значит, что этнометодологи стараются хранить верность витгенштейнианской или какой-либо другой философской традиции.

я обсужу некоторые следствия из несовпадающих «эмпирических» ориентаций SSK и ESW для анализа математических доказательств и научных открытий.

Формулировки и практические действия

В своей сложной и часто неправильно понимавшейся статье «О формальных структурах практических действий» (Garfinkel, Sacks, 1970) Гарфинкель и Сакс обсуждают интерес этнометодологии к естественному языку. В тексте они лишь кратко упоминают Витгенштейна, но Сакс рассматривает релевантность Витгенштейна более подробно в одной из своих транскрибированных лекций (Sacks, 1992, I: 515–522), посвященной некоторым темам, затронутым в статье[1]. В этой лекции Сакс говорит, что Витгенштейн «взорвал» проблему референциального значения «индикаторных терминов» (соотносящихся с тем, что Гарфинкель называет «индексальными выражениями»). Эти термины традиционно пугали логиков, так как их референция меняется с каждым случаем их употребления. До Витгенштейна принятое в философии языка решение заключалось в «лечении» этих выражений путем приписывания пространственно-временных референтов каждому случаю их использования, так, чтобы конкретное употребление термина «здесь» можно было перевести в имя собственное того места, которое «подразумевает» говорящий. Подобные попытки перевода сталкиваются с проблемой определения того, в какое имя должно переводиться то или иное употребление индикаторного термина. На что указывает «здесь» в любом конкретном случае использования: на географическое место, адрес, социальное событие, вроде собрания или празднества, или на все это вместе? Используя примеры из записей групповых психотерапевтических сессий, Сакс демонстрирует, что индикаторные термины не просто замещают имена, «поскольку каждая формулировка [„здесь“] может иметь свои последствия, т. е. если, например, «здесь» — это «сессия по групповой терапии», тогда может существовать веская причина говорить, к примеру… «Ты что здесь делаешь? “, а не… «Ты что делаешь на групповой терапии? „“ (Sacks, 1992, I: 518–519). Сакс полагает, что индикаторные термины, которые ни в коем случае не внутренне противоречивы или проблематичны, используются в разговоре «стабильным» образом. Собеседники обычно используют индикаторные термины эффек-

1 Я полагаю, что в лекции Сакса находят выражение темы, возникшие в результате сотрудничества с Гарфинкелем. Я не утверждаю, что основные идеи указанной статьи принадлежат одному лишь Саксу.

тивно и осмысленно без необходимости указывать (остенсивно или каким-то еще способом) на что, что они замещают.

Гарфинкель и Сакс (Garfinkel, Sacks, 1970) делают «индексальность» релевантной далеко за пределами анализа специфического класса слов, вроде местоимений, дейктических и анафорических референций и индикаторных терминов. Их обсуждение приобретает саркастический оттенок, когда они рассматривают дюркгеймовское фундаментальное правило метода — «Объективная реальность социальных фактов есть основополагающий принцип социологии» — как пример «индексального выражения» для членов Американской социологической ассоциации. Это выражение может использоваться в разных случаях как определение деятельности профессиональных социологов, «как их девиз, их задача, цель, достижение, предмет гордости, рекламный лозунг, оправдание, открытие, социальный феномен или исследовательское ограничение» (Garfinkel, Sacks, 1970: 339).

Основная часть их статьи посвящена феномену, который Гарфинкель и Сакс называют «формулированием». Формулирование включает широкий диапазон феноменов: называние, идентификацию, определение, описание, объяснение и, конечно, цитирование правила. Сначала в статье приводится ряд примеров, которые показывают, что формулировки используются в «любительском» и «профессиональном» дискурсе для прояснения точного смысла действий[1]. Гарфинкель и Сакс отмечают, что в обычном разговоре говорящие употребляют формулировки

1 Гарфинкель и Сакс рекомендуют исследователям практического мышления оставаться безразличными по отношению к различению между «научными» и прочими попытками формулирования действий: «Людей, занимающихся этнометодологическими исследованиями, профессиональное социологическое мышление может „беспокоить“ не больше и не меньше, чем практики юридического мышления, разговорного мышления, пророческого мышления, психиатрического мышления и пр.» (Garfinkel, Sacks, 1970: 346). Следовательно, данное безразличие распространяется на любые практические или академические попытки замены «индексных выражений» «объективными». Херитидж и Уотсон (Heritage, Watson, 1980) обсуждают некоторые способы систематического использования формулировок в разговоре. Рассмотрим, например, следующий эпизод допроса:
М-р Нилдс: Вы говорили генеральном прокурору, что, возможно, меморандум об отводе средств и сам отвод средств не стоило предавать огласке?
Подп. Норт: Повторяю, я вообще не помню этот конкретный разговор, но я не утверждаю, что его не было.
М-р Нилдс: Вы не отрицаете это?
Подп. Норт: Нет.
М-р Нилдс: Вы не отрицаете, что предлагали генеральному прокурору Соединенных Штатов подумать о том, как сохранить этот документ в тайне?

рефлексивно для снятия неоднозначности текущей ситуации: «Это был вопрос?», «Ты предлагаешь мне убраться?», «Я уже ответил на твой вопрос», «Пожалуйста, ближе к делу!» Точно также в своих профессиональных дискурсах логики и ученые пытаются исправить индексальные свойства языка, заменяя «индексальные выражения» (контекстуально-зависимые выражения, вроде «Теперь вода достаточна горячая») «объективными выражениями» (контекстуально-независимыми выражениями, вроде «Вода кипит при ста градусах Цельсия»)[1]. Но аргумент Гарфинкеля и Сакса не предполагает, что формулировки предоставляют обычным людям и ученым метаязык, позволяющий им однозначно «определять ситуацию». Вместо этого они говорят, 1) что «работа» совершения «объяснимо рациональных действий» может осуществляться и опознаваться участниками данной деятельности без формулирования «этого факта» и 2) что «предоставление *однозначных* формулировок действий, идентификаций и контекстов невозможно» (Garfinkel, Sacks, 1970: 359).

Подп. Норт: Я не отрицаю, что сказал это. Но я и не говорю, что помню это. (Taking the stand, 1987: 33)

В этом коротком, но крайне запутанном обмене репликами мы можем видеть использование множества накладывающихся друг на друга «формулировок»: формулировок предыдущего разговора (с генеральным прокурором); формулировок прагматического значения «отсутствия воспоминаний» об этом разговоре; формулировок того, что «я сказал» или мог «сказать», и того, что «я не говорю» сейчас; формулировок, выражающих иронию, и т. д. Не анализируя этот эпизод дальше, необходимо отметить, что эти формулировки, очевидно, не просто отсылают к чему-то, а действуют как выпады, обманные маневры и увертки в дознавательной игре (Bogen, Lynch, 1989).

1 Женетт тоже использует приведенный выше пример фразы «вода кипит» и противопоставляет ее другому типу высказываний, примером которого является «Давно уже я привык укладываться рано» (Женетт, 1998: 224). Последнее выражение «не может быть истолковано... без учета того лица, которое делает это высказывание, и той ситуации, в которой оно делается; *я* здесь идентифицируется только по отношению к этому лицу, а прошедшее время сообщаемого „действия“ является таковым только по отношению к моменту, в который об этом действии сообщается» (Женетт, 1998: 224). Но Женетт не останавливается на этом и говорит: «...я не уверен, что настоящее время высказывания „Вода кипит при ста градусах“ (итеративное повествование) является таким уж вневременным, каким оно представляется» (Женетт, 1998: 224). Он полагает, что данное различие, тем не менее, имеет «операциональную ценность». Как мы увидим, Гарфинкель и Сакс используют различие между объективными и индексальными выражениями в качестве временного элемента своего аргумента и не рассматривают его как онтологическое различие.

Первый пункт соотносится с тем, как обсуждают формулирование правила Бейкер и Хакер: «Обычно объяснения с помощью примеров предполагают использование ряда примеров в качестве *формулировки правила*. Так понятые примеры являются *применениями* объясняемого правила не больше, нежели остенсивное определение „красного“ (путем указания на помидор) является применением (предикацией) «красного»... Формулировка правила сама должна *использоваться* определенным образом, в качестве канона правильного употребления» (Baker, Hacker, 1985: 73). Ряд примеров формулирует правило (т. е. делает его очевидным, ясным, релевантным) без его открытого изложения. Уместность, смысл, понятность и узнаваемость правила выражаются в примерах и посредством примеров без необходимости в дальнейших комментариях. Гарфинкель и Сакс различают «формулирование» (открытое проговаривание того, что́ мы делаем) и «делание» (то, что мы делаем), но их тезис близок: формулировки не обладают самостоятельностью по отношению к формулируемым ими действиям и в их отсутствие действия не становятся хаотичными или бессмысленными. Напротив, смысл и адекватность любой формулировки неотделимы от порядка формулируемых ей действий. Она не служит заменой, прозрачным описанием или «метауровневым» отчетом о том, что происходит без нее.

Как и обсуждение правил Витгенштейном, обсуждение формулирования Гарфинкелем и Саксом можно неправильно истолковать как выражение одной из двух противоположных позиций: 1) скептицистской интерпретации, согласно которой любая попытка сформулировать действие сталкивается с «проблемой» индексальности и поэтому описание, объяснение и т. п. по сути неопределенны; 2) реалистской интерпретации, предлагающей изучать формулировки эмпирически, что позволило бы социальному ученому объективно понять практики членов[1]. Внимательное чтение их аргумента позволяет увидеть, что ни одна из этих точек зрения не адекватна.

Вторым пунктом — о «невозможности» предоставления однозначной формулировки действия — Гарфинкель и Сакс подрывают свое же условное различение между «объективными» и «индексальными» выражениями. Они утверждают, что формулировки не «определяют» смысл действий, которые без них

1 Статья Гарфинкеля и Сакса разрушает целостность феномена, который они первоначально планировали рассмотреть. «Формулирование» больше не обозначает отдельный класс лингвистических объектов, становясь вместо этого рубрикой, под которой объединяется гетерогенное множество разговорных действий.

остаются бессмысленными[1]. Формулировки сами используются как «индексальные выражения», и, используя их таким способом, члены рутинно обнаруживают, что «делание формулирования» само является источником «*сущностных* жалоб, промахов, затруднений и рекомендуемых исправлений» (Garfinkel, Sacks, 1970: 353). Равным образом, «формулировки *не* являются машинерией, с помощью которой делается объяснимо разумная, ясная, определенная речь» (Garfinkel, Sacks, 1970: 353–354). «Открытое высказывание того, чтó мы делаем» может быть «узнаваемо несообразным, или скучным… [свидетельствующим] о некомпетентности, о лицемерии и т. д.» (Garfinkel, Sacks, 1970: 354)[2]. Собеседники нередко поддерживают тематическую связность, не называя тему[3], и, как демонстрируют гарфинкелевские нарушающие эксперименты, попытки «исправления» индексальности какого бы то ни было текста или набор инструкций лишь усиливают и расширяют индексальные свойства текста. Вывод, к которому приходят Гарфинкель и Сакс, может показаться, на первый взгляд, подтверждающим скептицистское прочтение: «*…для члена делание* [*того, что наши разговорные действия объяснимо рациональны*]*, заключается не в работе делания формулировок разговора.* Эти два вида активности не идентичны и не взаимозаменяемы» (Garfinkel, Sacks, 1970: 355; курсив и скобки в оригинале).

1 См.: Filmer, 1976, где анализируется аргумент Гарфинкеля и Сакса, в частности, в связи с тем, что четкая граница между объективными и индексальными высказываниями разрушается по ходу статьи.

2 В качестве примера того, как формулирование может порой усугублять неприятности, обрушившиеся на говорящего, можно привести следующую формулировку, которая была предложена во время особенно провальной публичной лекции: «Я расскажу анекдот, но он не такой уж смешной».

3 Сакс показывает, что тематическая связность достигается посредством систематического размещения второго высказывания за первым. Такое размещение высказывания является ответом на незаданные вопросы: «Почему ты сказал это?» и «Почему ты сказал это *сейчас*?» Это делается «автоматически» и без привлечения формулировки: «То, что люди воспринимают вашу реплику как соответствующую текущей теме, дает им ответ на вопрос, почему вы сказали это сейчас. То есть этот возможный вопрос решается *автоматически*. Слушая высказывание, слушатель сразу понимает, почему вы это говорите» (Sacks, 1992, I: 538). Хотя аналитический подход Сакса предполагает совершенно иной исторический масштаб, он удивительно, если не устрашающе, близок антисемиотическому подходу Фуко к историческому дискурсу: «Смысл высказывания определялся бы не сокровищем содержащихся в нем намерений, обнаруживаемых и одновременно скрываемых, но разницей, которая его артикулирует в других реальных и возможных современных ему высказываниях, или в тех, которым он оппонирует в линейной временной последовательности» (Фуко, 1998: 19).

Но обратите внимание на следующий за этим пассаж: «Одним словом, делание формулирования разговора демонстрирует для собеседников ориентацию на [тот факт, что наши разговорные действия объяснимо рациональны]» (Garfinkel, Sacks, 1970: 355; скобки в оригинале). Это очевидно противоречит контруктивистскому аргументу, поскольку наши действия остаются неопределенными до тех пор, пока мы не предложим «объяснений» их смысла. Но этот акцент на объяснимости действий не равносилен и реалистской или рационалистской позиции: «Вопрос о том, что делает тот, кто делает формулирование, — членский вопрос, — решается членами не путем обращения к тому, что говорится в формулировке, а путем вовлечения в практики, которые придают действию формулирования *сущностно* контекстуированный (contexted) характер» (Garfinkel, Sacks, 1970: 355).

В случае правила «добавлять два» никакая формулировка не способна предоставить полное или однозначное объяснение того, каким образом правило следует распространять на новые случаи (как если бы правило содержало репрезентацию всех способов его применения). Цитирование правила — это самостоятельная деятельность (наставление, предупреждение, исправление, напоминание и т. д.), но формулировка правила не говорит о том, что с ним следует делать. Смысл правила «*сущностно* контекстуируется» упорядоченной деятельностью, в рамках которой оно привлекается, выражается, применяется и т. д. Но это не значит, что деятельность не имеет рационального основания или что понимание участниками того, что они делают, обязательно неполно или ошибочно.

В заключительном разделе своей статьи Гарфинкель и Сакс утверждают, что «члены делают [тот факт, что наши действия объяснимо рациональны] ... без необходимости делать формулировки» (Garfinkel, Sacks, 1970: 358). Ниже они добавляют, что эта «работа» организуема как «машинерия делания [объяснимо рациональных действий]» (Garfinkel, Sacks, 1970: 358; скобки в оригинале). После этого они проясняют критическое значение данного обстоятельства для социальных наук:

> Невозможность формулировок как серьезных решений проблемы социального порядка имеет отношение к господствующей в социальных науках рекомендации делать формулировки в практических целях для осуществления эмпирического описания, для обоснования и проверки гипотез и т. д. Тем самым, формулировки рекомендуются как ресурсы, опираясь на которые социальные науки могут осуществлять строгий анализ практических действий, адекватный для всех

> практических целей... до тех пор, пока формулировки рекомендуются в качестве определяющих «осмысленную речь», что-то упускается, так как «осмысленная речь» не может обладать подобным значением. (Garfinkel, Sacks, 1970: 359)

До тех пор, пока формальные структуры практических действий (т. е. «достигнутый факт» рациональной объяснимости действий) не вскрываются формулировками, эти структуры ускользают от конструктивно-аналитических попыток их кодифицировать и статистически репрезентировать. «Недоступность формальных структур обеспечивается практиками конструктивного анализа, поскольку она *заключается* в его практиках» (Garfinkel, Sacks, 1970: 361).

Этнометодология не решает эпистемологические проблемы, возникающие вследствие попытки заменить индексальные выражения объективными. Оставаясь безразличными к этой программе, этнометодологи пытаются охарактеризовать организованное использование индексальных выражений в любительских и профессиональных видах деятельности. Этнометодологи неизбежно занимаются формулированием, хотя бы с целью формулирования работы формулирования. В отличие от конструктивного анализа, этнометодология тематизирует связь между формулировками и действиями не в терминах условий истинности, не с точки зрения истинных или ложных суждений, а с точки зрения прагматических шагов в темпоральном порядке действий. Эта программа ставит два основных вопроса: 1) Каким образом обыденные действия демонстрируют регулярность, порядок, стандартизацию и независимость от конкретной когорты (т. е. «рациональность») до какой-либо формулировки? 2) Каким образом в каждом случае члены используют формулирование как часть своей деятельности?

Сказанное выше позволяет увидеть резкий контраст между «витгенштейнианскими» проектами этнометодологии и Блура. Если Блур придерживается различения между основаниями социологии как науки и социологически объясняемым «содержанием» изучаемых наук, то Гарфинкель и Сакс прямо помещают социологию в изучаемое этнометодологией обыденное общество.

Развитие и применение

За годы, прошедшие после публикации статьи о формальных структурах, этнометодологическая программа разделилась на два самостоятельных исследовательских направления. Одно направление, конвер-

сационный анализ, изучает организацию последовательно реплик в «естественно протекающих» разговорах (Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974). Эти исследования проясняют «рациональные свойства индексальных выражений», описывая регулярные процедуры передачи права голоса, организацию смежных пар, включение референции и коррекции, тематическую организацию, структуру рассказов, формулировку места и другие феномены. В терминологии Витгенштейна такие феномены относятся к «языковым играм»[1], посредством которых интеракционно достигаются порядок, смысл, связность и согласие[2].

Второе направление развития — гарфинкелевские этнометодологические исследования работы (Ethnomethodological studies of work, 1986). Гарфинкель характеризует эту программу как подход к производству социального порядка, разрывающий с классическими концепциями проблемы порядка. Для Гарфинкеля как детальные методы производства социального порядка, так и концептуальные темы, с помощью которых порядок становится анализируемым, представляют собой локальные достижения членов. В такой вселенной нет места для великого теоретика,

1 Термин «языковые игры», используемый Витгенштейном, многогранен. Конверсационный анализ апеллирует к тому смыслу «языковой игры», который Витгенштейн акцентирует, говоря, что данный термин «призван подчеркнуть, что *говорить* на языке — компонент деятельности или форма жизни» (ФИ, § 23). После этого он дает список примеров, включающий отдавание приказов и выполнение их, описание внешнего вида объекта, изготовление объекта по его описанию и рассказывание анекдотов и забавных историй. Витгенштейн характеризует некоторые из этих действий («приказывать, спрашивать, рассказывать, болтать») как «примитивные формы языка» и говорит, что они «в той же мере часть нашей натуральной истории, как ходьба, еда, питье, игра» (ФИ, § 25).

2 Конверсационный анализ порвал со многими начинаниями Гарфинкеля. Современная литература в данной области все больше отдаляется от антипозитивистских убеждений этнометодологии. Тем не менее, отдельные исследования можно использовать в качестве прекрасных примеров критических эпистемических аргументов (см.: Coulter, 1989). Базовые темы и процедуры конверсационного анализа можно так же мобилизовать для изучения локального производства научной работы (Garfinkel, Lynch, Livingston, 1981; Lynch, 1985a; Amann, Knorr-Cetina, 1988; Woolgar, 1988b) и взаимодействия человека и компьютера (Suchman, 1987). Анализ записей рабочих разговоров в лаборатории не требует ставить перед собой цель позитивного описания научных высказываний в качестве примера «системы речевого обмена». Записанная рабочая речь может анализироваться наравне с графическими, фотографическими и прочими документами, производимыми в ходе осуществления лабораторных действий, с целью расширения нашего доступ к практике экспериментирования и наблюдения. В такого рода исследовании структуры «речи» *per se* несущественны, хотя и необходимы.

который повествует об общей социальной структуре. Наоборот, лучшее, что можно сделать, — это тщательно изучать конкретные *места* практической деятельности, в которых действия участников проясняют большие темы (например, рациональность, деятельность, структура и смысл) в рамках ежедневной работы. Для настоящего обсуждения особый интерес представляют этнометодологические исследования практик ученых-естественников и математиков. В этих исследованиях поднятые Гарфинкелем и Саксом вопросы относительно возникновения формулировок в практической деятельности получили гораздо более живое продолжение, нежели в конверсационном анализе.

На первый взгляд кажется, что такие формулировки, как карты, диаграммы, графики, рисунки, математические доказательства и фотодокументы, существенно отличаются от формулировок деятельности, обсуждаемых Гарфинкелем и Саксом. В конце концов, карты репрезентируют объективную поверхность и территорию, а доказательства демонстрируют логические основания математических функций. В точном смысле они не используются в качестве формулировок «того, что мы делаем». Но рассматривать карты и доказательства как изолированные картины или высказывания — значит игнорировать деятельность их создания и употребления. Анализ использования документа не снижает его референциальную ценность, но разрушает допущение о принципиальной разнице между формулировками «вещей» и формулировками «наших действий». Возьмем, к примеру, следующий разговор, записанный во время встречи, в ходе которой два лаборанта (Д и Б) анализируют данные, полученные ими с помощью электронного микроскопа, а руководитель лаборатории (Г) наблюдает за ними и дает свои комментарии (упрощенная версия транскрипта, опубликованного в: Lynch, 1985a: 252–253)[1]:

Д: Если ты *посмотришь* на это — дегенерация четко видна, никаких сомнений.

1 Мои комментарии о том, к чему «отсылают» эти индексальные выражения, опираются не только на анализ транскрибированного текста, но и на мое этнографическое знание повседневных техник и обыденных языковых практик данной лаборатории. Их доступность для анализа основана на моем (в данном случае довольно поверхностном) понимании изучаемых дисциплинарно-специфических практик, помимо и вне привносимой мной в это исследование этнометодологической компетенции. Указание на поверхностность моих комментариев является не столько оправданием моего невежества как исследователя мозга — в противоположность той критике, которой подвергает мой текст Латур (Latour, 1986), — сколько напоминанием о том, что мои высказывания о данных практиках представляют собой развитие — адекватное, неадекватное или тривиальное — описанной компетенции.

Б: Вот это меня на самом деле и *поразило*. Однажды я рассматривал трехдневный материал и э, глия уже фагоцитировала терминали.

Д: О да, там сейчас что-то похожее.

(Трехсекундное молчание)

Г: Ну, меня не это беспокоит. Меня беспокоят ложнопозитивы.

Д: Да, да.

Г: Вроде этого.

Д: О да, ну, это — Я не обозначил, я не думаю — Ну, я просто поставил здесь маленький , потому что это маргинально, но вот этот выглядит так, будто вот там он плотный.

Г: Да, этот выглядит замечательно.

Если характеризовать этот фрагмент в общих чертах, то он начинается с того, что Д оценивает аналитическую чистоту данных, которые он и Б только что подготовили. Затем Б поддерживает оценку Д, сравнивая ее с другими данными. Он выражает беспокойство, которое ставит под сомнение сказанное только что двумя лаборантами, после чего Д снимает сомнение, одновременно эксплицируя детали документа и свой метод его подготовки. Фрагмент заканчивается в тот момент, когда Г начинает соглашаться с оценкой Д. Разговор продолжается еще долго после транскрибированного эпизода (дополнительные подробности см в: Lynch, 1985a: 250ff.).

Не проводя детальный анализ фрагмента, я лишь отмечу некоторые моменты, релевантные для вопроса о формулировках вещей. Участники говорят о совместно рассматриваемых ими фотографиях, полученных с помощью электронного микроскопа. Соответствующие отсылки включают как минимум:

1. Первоначальную отсылку Д к «этому» и к «дегенерации» органелл ткани мозги, возможно, вызванной нарушениями при проведении эксперимента.
2. Сравнение Б имеющихся материалов с «трехдневными материалами», где «три» формулирует число дней между нарушением и умерщвлением животного.
3. Отсылку Б к фагоцитозу — процессу, посредством которого клетки глии, как принято говорить, «очищают» дегенерировавшую ткань после травмы мозга.

4. «Беспокойство» Г о «ложнопозитивах», которые в данном случае можно понимать как видимые профили органелл, которые вроде бы должны были дегенерировать, но на микроснимках выглядят нормальными.
5. Упоминание Д «маленького *X*», который, по его словам, он нарисовал на микроснимке, чтобы обозначить «маргинальный» элемент.
6. Оценка Г «этого», который выглядит «замечательно».

Каждая из этих референций к вещам указывает на тот или иной аспект изучаемых материалов. Некоторые референции отсылают к зрительно различимым особенностям данных: примерам «дегенерирующих» аксонных профилей (1), «маргинальному» случаю (5) и «этому», который выглядит «замечательно» (6). И эти индикаторные термины могут сопровождаться характерными остенсивными жестами. Другие референции указывают на темпоральные и концептуальные горизонты анализируемого случая (например, референции Б к другим случаям и фагоцитозу [2, 3] и упоминание Г возможных методологических проблем [4]). Еще один вид референций, например, референция Д к «этому» (1), смутен и туманен и поэтому может отсылать к разным вещам. «Это» могло бы обозначать все, что видно на микроснимке, ограниченную черту документа, серию сопоставимых микроснимков, различные аналитические индексы и пометки или характерный феномен. Но участники не тратят время на прояснение таких референций (если только их к этому не побуждают), и не потому, что некий оккультный процесс снабжает их ментальными образами того, что «замещают» индикаторные термины. Кроме того, каждая из успешных референций к вещам включена в высказывания, которые приобретают смысл в локальном контексте высказываний и действий.

Этот пример показывает, что референции к вещам действуют одновременно как референции к (и внутри) действиям. Участники не ведут себя как говорящие машины, произносящие существительные, которые соответствуют деталям изображения. Их референции предполагают адекватность работы Д и Б и успешность проекта (т. е. референции к «однозначным» особенностям данных предполагают, что все идет хорошо, что в данных начинает просматриваться различимый феномен). В таком случае, общий аргумент Гарфинкеля и Сакса, касающийся формулировок действий, подходит и к формулировкам вещей в лабораторном дискурсе.

Если мы еще раз вспомним разницу между скептицистским и антискептицистским прочтениями витгенштейновского аргумента

относительно ряда чисел, то теперь можем показать, что программа ESW развивает Витгенштейна совершенно иначе, нежели программа SSK. В скептицистском прочтении правило считается *репрезентацией* деятельности, которая (репрезентация) не способна уникально описывать совершаемые в соответствии с ней действия. Скептическое решение апеллирует к психологическим предрасположенностям и /или внешним социальным факторам, объясняющим, каким образом агент может непроблематично распространять правила на новые случаи. В нескептицистском прочтении правило считается выражением упорядоченной деятельности, в пределах упорядоченной деятельности и в качестве упорядоченной деятельности, в которой оно совершается. Правило формулирует упорядоченную деятельность в той мере, в какой порядок в ней уже производится, и использование правила конкретизирует этот порядок.

Как было сказано выше, Гарфинкель и Сакс рассматривают индексальность в качестве хронической проблемы, с которой сталкиваются логики и социальные ученые в своих попытках объективно репрезентировать лингвистические и социальные действия. В этнометодологии эта проблема исчезает, но не потому, что она получает решение или преодолевается, а за счет изменения всей концепции языка. Как поясняют Гарфинкель и Сакс при обсуждении «рациональных свойств индексальных выражений», именно из такого рода выражений состоят ясные, интеллигибельные, понятные действия. Для них индексальность больше не составляет проблему, за исключением редких случаев. Ощущение того, что она представляет собой всепроникающий «методологический кошмар» (Woolgar, 1988a), лишь усиливается, когда индексальные выражения рассматриваются в качестве знаков, отделенных от их значений[1]. До тех

1 «Методологические кошмары» — это ряд проблем, возникающих в рамках скептического подхода к репрезентации. К ним относится неопределенность связи между правилами и их применениями, а также между теориями и экспериментальными данными. Вулгар (Woolgar, 1988a: 172, 198–199) предлагает методологическое обоснование такого общего скептического отношения к научным практикам репрезентации. Политика неограниченного скептицизма разрешает социологическому наблюдателю приписывать методологические кошмары практикам, которые в противном случае оставались бы беспроблемными. Среди прочего Вулгар предлагает читателю согласиться с образом ученых, непрерывно пытающихся избежать или обойти проблемы, которые скептический философ видит в их работе. Если это напоминает знакомый ход в игре идеологической критики, то это не случайно. Вулгар утверждает, что «наука — не более чем особенно выразительная манифестация идеологии репрезентации» (Woolgar, 1988a: 101). Последнюю он определяет как «набор верований и практик, вытекающих из представления о том, что объекты (смыслы, мотивы, вещи) существуют

пор, пока ученые-естественники и математики используют подобные выражения как элемент рутинных практик, они не занимаются тем, что контролируют или обходят индексальность с помощью каких-либо риторических или интерпретативных стратегий; общий «кошмар» *вообще никогда не наступает*. Это не значит, что ученые не сталкиваются с методологическими или эпистемическими проблемами, но такие проблемы возникают и решаются с разной степенью успешности как окказиональные (порой «бесовские») случайности в ходе дисциплинарно-специфической работы.

Примеры споров 1: Блур и Ливингстон о математике

Урок, который мы можем извлечь из аргумента Гарфинкеля и Сакса, заключается в том, что «рациональные свойства индексальных выражений» не мешают попыткам формулирования действий, а представляют собой необходимое основание смысла, релевантности, успеха или провала любой формулировки. В случаях, когда правила или связанные с ними формулировки считаются строгими, инвариантными или даже трансцендентальными описаниями действий, основание для их строгости обеспечивается практиками, в которых эти формулировки используются. Разница между данным предположением и программой SSK станет понятна, если мы рассмотрим вопросы, затронутые в рецензии Блура (Bloor, 1987) на этнометодологическое исследование работы математиков, проведенное Ливингстоном (Livingston, 1986).

до или лежат в основе поверхностных знаков (документов, проявлений), через которые они выражаются» (Woolgar, 1988a: 99). Его критика направлена непосредственно против научной практики, а также специфического метафизического представления о науке, и поэтому он вполне открыт для выдвигаемого Хакингом (Хакинг, 1998: 44) обвинения в смешении того, что делает ученый-специалист, с тем, что он делает по мнению философов науки. В защиту Вулгара можно собрать массу свидетельств, показывающих, что многие ученые, когда их спрашивают о том, что они демонстрируют в своих исследованиях, дают реалистские (наивные или нет) ответы (см.: Гилберт, Малкей, 1987). И было бы не так уж далеко от истины сказать, что научные труды — особенно реалистический литературный жанр. Но хотя уместность критики идеологии может быть очевидной, далеко не так ясно, предполагает ли такая критика «вульгарную компетентность» (Garfinkel, Lynch, Livingston, 1981: 139), воплощаемую в рутинных действиях ученых. Слова Вулгара о том, что наука — это «не более чем» манифестация идеологии, оказываются особенно далекими от реальности на фоне исследований (включая даже некоторых из его собственных), демонстрирующих, что «идеология репрезентации» — достаточно слабое и часто нерелевантное описание практик ученых.

Ливингстон (Livingston, 1986, 1987) вводит феномен, который он называет «парной структурой» математического доказательства[1]. Она предполагает разделение «описания доказательства» (текстуального выражения «росписи» доказательства) и «живой работы доказывания» (текущих действий, посредством которых «доказатель» осуществляет доказательство в конкретном случае). В своей демонстрации доказательства Геделя и более простого доказательства из Евклидовой геометрии Ливингстон подчеркивает внутреннюю связь между описанием доказательства и живой работой доказывания, так что описание доказательства не может быть отделено от связанной с ним живой работы. Для компетентного математика, пишущего в одиночестве карандашом на бумаге или вместе с коллегами на доске, описание доказательства артикулирует живую работу доказывания. По завершении оно становится «точным описанием» и «трансцендентальным отчетом» о работе доказывания.

> Загадочность и удивительность парной структуры доказательства заключается в том, что ни описание доказательства, ни связанная с ним живая работа не возможны по-отдельности и никогда не доступны в таком расщепленном виде. Производимый социальный объект — доказательство — и все его наблюдаемые, демонстрируемые свойства, включая его трансцендентальное существование, не зависящее от материальных особенностей его описания, доступны внутри и в качестве этой пары. Работа доказывающего неотделима от ее материальных деталей, хотя, как осуществление доказательства, данное доказательство кажется отделимым от нее. (Livingston, 1987: 136–137)

1 Ливингстон развивает гарфинкелевскую тему «*Lebenswelt*-пары» (см.: Garfinkel et al., 1989: 123–124). Эта «пара» включает «первый сегмент» (например, текст доказательства в примере Ливингстона) и реализуемые на рабочем месте «живые» практики — «работу» — доказывания теоремы. В своем обсуждении я обхожу молчанием множество сложностей и, в частности, одно обстоятельство, которое настойчиво подчеркивают Гарфинкель и соавторы (Garfinkel et al., 1989: 121ff.) и Ливингстон (Livingston, 1986): то, что «парная структура» — это не просто еще один пример формулировок и действий. Они учитывают возможность того, что *Lebenswelt*-пара наблюдается лишь в математике и других «открывающих науках практического действия». Чтобы оценить это достаточно смелое утверждение, необходимо провести более серьезный анализ, который я готов здесь предпринять. Однако следует понимать, что они не предлагают исключить математику и физику из области этнометодологических исследований.

Связь с антискептицистским прочтением Витгенштейна очевидна. Ливингстон избегает «вопроса, содержащего ошибку», настаивая, что осмысленность текста доказательства нельзя отделить от практик доказывания. Живая работа, которую формулирует доказательство, хотя она представляет собой лишь работу математиков, является в то же самое время социальным феноменом. «Одно из следствий обнаруженной парной структуры доказательств состоит в том, что математические доказательства восстанавливаются как наблюдаемо социальные объекты, но не потому, что к доказательству необходимо добавить некий внешний, неспецифический для доказательства элемент, например, теорию „социализации“, а потому, что естественная описуемость доказательства неразрывно связана с его производством и демонстрацией *в качестве* доказательства» (Livingston, 1987: 126).

В своей пространной и местами резкой рецензии на книгу Ливингстона (Livingston, 1986) Блур (Bloor, 1987) выдвигает ряд возражений, которые ясно указывают на различия между его подходом и этнометодологией. Блур зачисляет в ряды своих сторонников Витгенштейна, но, как я покажу, тем самым он ставит под серьезный удар свою собственную позицию. Блур упрекает Ливингстона в отсутствии упоминаний Витгенштейна, после чего читает ему лекции о том, что ему следовало бы знать о витгенштейновской «социальной теории знания». При этом Блур не замечает, насколько подход Ливингстона соответствует антискептицистскому прочтению Витгенштейна. Безусловно, в своей книге (Livingston, 1986) Ливингстон не упоминает Витгенштейна, а в следующей книге ссылается на него только в связи с конкретным примером (Livingston, 1987: 126ff.). Однако, на мой взгляд, в обоих текстах используются витгенштейновские аргументы, опосредованные идеями Гарфинкеля. Блур характеризует позицию Ливингстона следующим образом:

> Поразительное мастерство в создании универсально применимых, вечных математических истин целиком подчиняется тому, что происходит, скажем, на доске. Всматриваясь в детали, мы видим, каким образом здесь и сейчас осуществляется трансценденция. Нам не нужно изучать внешние обстоятельства эпизода или возможность того, что мастерство зависит от чего-то, привнесенного в ситуацию извне. Это означало бы апелляцию к нелокальным особенностям и обстоятельствам за пределами «рабочего места». (Bloor, 1987: 341)

Согласно расчетам Блура, Ливингстон, конечно же, обречен на неудачу. Блур указывает, что Ливингстон ссылается на «известные» аспек-

ты доказательства, тем самым неявно предполагая более широкий горизонт общепринятых аргументов и распространенных тенденций среди математиков. Но ставить это в упрек Ливингстону — значит не понимать его тезис о внутренней связи между изложением доказательства и живой работой доказывания. Ливингстон хочет продемонстрировать, что живая работа доказывания (публичное производство математики на доске или с карандашом на бумаге) обеспечивает точное описание этой же самой деятельности текстом доказательства. Ретроспективно кажется, что не существует лучшей формулировки, чем текст доказательства, хотя его адекватность достигается не благодаря какой-либо референциальной функции текста, а в живой деятельности доказывания. Или, если предлагается более удачная формулировка, она вытекает из историчности математических действий. Это, разумеется, предполагает коммунальную обстановку «молчаливых соглашений» и упорядоченных практик (Malcolm, 1989). Но для Блура этого не достаточно, так как демонстрация Ливингстона не содержит социологического объяснения. Блур полагает, что зачатки такого объяснения присутствуют в поздней философии Витгенштейна:

> Несмотря на то, что порой говорят, Витгенштейн разрабатывал *теорию*. Он считал, что конструирование математических доказательств может быть понято как процесс рассуждения по аналогии. В его основе лежат образцы вывода, которые первоначально опирались на наш опыт окружающего мира, а затем стали парадигмами. Они конвенционализировались и в результате приобрели особую ауру. Мы полагаем, что математика демонстрирует нам *сущность* вещей, но для Витгенштейна эти сущности суть конвенции (Заметки по основаниям математики, I — 74). Мы могли бы сказать, что у Витгенштейна миллевский эмпиризм сочетается с дюркгеймовской теорией сакрального. (Bloor, 1987: 353–354)

На самом элементарном уровне витгенштейнианская критика Ливингстона Блуром вполне может быть критикой самого Витгенштейна. Если Ливингстон не способен предложить социальную теорию знания и объяснить математическую практику, то на это не способен и Витгенштейн, если судить по открыто провозглашаемой им политике:

> Что верно, то верно: нашим изысканиям не обязательно быть научными... И нам не надо развивать какую-либо теорию. В наших рассуждениях неправомерно что-то гипотетическое. Нам следует отказаться от всякого

> *объяснения* и заменить его только описанием. Причем это описание обретает свое целевое назначение — способность прояснять — в связи с философскими проблемами. Таковые, конечно, не являются эмпирическими проблемами, они решаются путем такого всматривания в работу нашего языка, которое позволяет осознать его действия вопреки склонности истолковать их превратно. Проблемы решаются не через приобретение нового опыта, а путем упорядочения уже давно известного. Философия есть борьба против зачаровывания нашего интеллекта средствами нашего языка. (ФИ, § 109)

Здесь Витгенштейн не предлагает ни какую «социальную теорию знания», о которой мечтает классическая социология. Он отвергает науку, теорию и объяснение. Этнометодология тоже отказывается от самых базовых элементов научной социологии: ее объяснительных целей, ее дисциплинарного корпуса и ее определения общества. В этом смысле, этнометодология «развивает» Витгенштейна, не отрекаясь от вызова, который он бросает сциентизму и фундаментализму.

Рекомендуя заниматься описанием, а не объяснением, Витгенштейн учитывал, что описание — это не «словесная картина фактов» и что описания — это «инструменты специального назначения» (ФИ, § 291). Он не предлагал создавать единственно верные описания способов употребления языка. Напротив, он отстаивал идеал «рефлексивного» исследования, в котором философские проблемы решаются путем «всматривания в работу нашего языка». В заключительном разделе данной статьи я вернусь к этому предложению, чтобы показать, как этнометодология вырабатывает особый эмпирический подход. Но перед этим я рассмотрю еще один спор между SSK и ESW. Этот спор касается феномена научного открытия.

Примеры споров 2: Коллинз и Гарфинкель с соавторами об открытии

Устоявшиеся математические процедуры могут быть не самыми подходящими примерами научной практики. Как отмечает Галисон, «было бы несправедливым искать в экспериментальных аргументах неоспоримые результаты, а затем, обнаружив, что эксперименты не ведут к логически неотвратимым выводам, сводить убеждения экспериментаторов целиком к „интересам“. Но кто стал бы думать, что эксперименты подобны математике?» (Galison, 1987: 11). Конечно, сторонники сильной программы легко рассматривают математику в тех же (скептицистско-релятивистских) категориях, что и экспе-

риментальное мышление. Проблема в том, что конвенционалистские аргументы относительно следования правилам не столь просто применить к новым экспериментальным или наблюдательным процедурам. Открытия окружены гораздо более «шумными» обстоятельствами, нежели «молчаливые соглашения», поддерживающие сложившиеся математические практики. Противоречия, сопровождающие притязания на открытие, могут иногда граничить со смешением языков. Но когда мы рассматриваем конкретное открытие не как реализацию конвенциональной процедуры, а как объект или феномен — как «законосообразную» вещь, к которой отсылает открытие, — мы может провести более строгую аналогию с математическими практиками. Философы-реалисты объясняют результаты наблюдения и эксперимента, перечисляя очевидные свойства открытого объекта подобно тому, как платонисты объясняют математическую практику, ссылаясь на идеальные математические формы. Ни SSK, ни ESW не признают такую «объективную» детерминацию, но они резко различаются в своем понимании открытия. Это различие можно рассмотреть, опять же, в свете скептицистского и нескептицистского прочтений Витгенштейна. В данном случае я сфокусируюсь на критике Гарри Коллинзом статьи Гарфинкеля, Линча и Ливингстона, представляющей собой этнометодологическое исследование открытия (Garfinkel, Lynch, Livingston, 1981). Гарфинкель и соавторы начинают свою статью следующим образом:

> 16 января 1969 г., в вечер открытия оптического пульсара в Обсерватории Стюарда Джоном Коком, Майклом Диснеем, Доном Тэйлором и Робертом Маккалистером, магнитофон, на который они записывали свои отчеты о серии наблюдений, случайно остался включенным и, прежде чем закончилась пленка, записал «разговоры», которые они вели тем вечером в ходе Наблюдений с 18 по 23. Этот уникальный документ... был предоставлен нам для изучения. Запись была транскрибирована в соответствии с принципами конверсационного анализа. (Garfinkel, Lynch, Livingston, 1981: 131–132)

В статье ставится вопрос: «В чем заключается оптически открытый пульсар как ночная работа Кока и Диснея?»[1] Базовая структура ар-

1 Гарфинкель и соавторы называют «оптически открытым пульсаром» скрещение работы астрономов и ее астрофизического объекта. Он отличается от «независимого галилеевского пульсара», находящегося во вселенной астрофизиков. К 1969 г. радиоастрономы идентифицировали класс объектов, которые они назвали «пульсарами». Эти объекты представляли собой

гумента схожа с таковой у Ливингстона (Livingston, 1986). Гарфинкель и соавторы различают «Независимый Галилеевский Пульсар» (НГП) и «локальную историчность ночной работы». НГП — это пульсар, которому к концу ночи приписывается идентичность и набор астрономических свойств (например, NP 0532, оптический период 0.033 095 сек, первичный и вторичный пики умеренной интенсивности и т. д.). С конвенциональной точки зрения НГП формулирует существенное открытие Кока и других. В отличие от астрофизиков, Гарфинкель и соавторы говорят о НГП как «культурном объекте», который «извлекается» из последовательности сеансов наблюдения с помощью оптического и электронного оборудования. Они не оспаривают и не признают то, что НГП выступает «причиной всего, что в нем видят и что о нем говорят» (Garfinkel, Lynch, Livingston, 1981: 138). Для астрономов на записи НГП становится астрономически специфической артикуляцией работы, посредством которой они его рефлексивно конституируют. Гарфинкель и соавторы не фетишизируют этот продукт ночной работы, скорее, они настойчиво указы-

точечные источники, радиоизлучение которых пульсировало с частотой много раз в секунду. Первоначальное открытие радиопульсаров породило многочисленные теоретически спекуляции и некоторые интересные истории (см.: Edge, Mulkay, 1976; Woolgar, 1976). Ни один из примерно сорока радиопульсаров, открытых к 1969 г., не был связан с видимым (оптическим) источником, и некоторые астрофизики даже вычислили, что энергию пульсаров невозможно наблюдать на длинах волн оптического диапазона. Кок, Дисней и Тэйлор, в то время работавшие в Университете Аризоны, организовали совместный проект, в рамках которого они использовали относительно небольшой телескоп Китт-Пик (обсерватория Стюарда), усовершенствованный с помощью электронного устройства, которое можно было настроить на определенные частоты для записи регулярных флуктуаций источника света. Никто из трех астрономов не имел достаточного опыта практических астрономических наблюдений и, как они позже утверждали, они почти не ожидали ничего открыть. Они предполагали, что, скорее всего, источники оптических пульсаров находятся в ядрах остатков сверхновых. Поскольку возле Крабовидной туманности был обнаружен радиопульсар с особенно высокой частотой, они решили направить телескоп на звезду, которая считалась ядром этого взрывающегося облака газа. После ряда безуспешных сеансов наблюдений в течение нескольких ночей, 16 января она настроили телескоп и электронный аккумулятор на запланированную частоту и заметили появление пульса на экране осциллоскопа. В момент записи Тэйлора не было на места. Маккалистер, ночной ассистент в Обсерватории Стюарда, присутствовал, но практически весь разговор, записанный на пленку, происходит между Коком и Диснеем. Гарфинкель и соавторы собрали записи в журнале наблюдений, прочли релевантные публикации о пульсарах и проинтервьюировали двух участников (Кока и Тэйлора). Поэтому исследование не ограничились только анализом магнитофонной записи.

вают на его генеалогию внутри и в качестве практики астрономов. И они не отрицают его статус в качестве объекта. Это не репрезентация, это объект — не в меньшей степени, нежели любой другой (культурный) объект[1].

Коллинз (Collins, 1983: 104–105) не соглашается с тем, как Гарфинкель и соавторы используют термин «открытие». Следуя атрибутивной теории открытия, предложенной Брэннингом (Branning, 1981), Коллинз утверждает, что Гарфинкель и соавторы (он использует акроним ГЛЛ) опираются на конвенциональное представление об открытии, когда говорят, что «уникальная» запись документирует составные события «открытия». С его точки зрения, даже самое детальное исследование не позволит обнаружить открытие на пленке, потому что статус НГП как открытия зависит от контингентного хода исторических событий, по мере которых изначальное сообщение Кока и остальных получается, интерпретируется, воспроизводится и подтверждается более широким астрономическим сообществом. Например, позже тем судьбоносным вечером Кок и остальные послали телеграмму в крупнейшие обсерватории мира. В телеграмме сообщалась частота пульса и небесные координаты звезды, идентифицированной в качестве его источника. В то время ни один из немногим более десятка ранее зафиксированных радиопульсаров не соответствовал видимой звезде. Но если бы другая обсерватория разослала телеграмму несколькими часами ранее, запись вечерних разговоров между Коком и Диснеем стала бы документом не открытия, а повторения. Коллинз так же предлагает представить, что бы было, если бы «позже оказалось, что Кок и Дисней заметили артефакт — результат сбоя в их осциллоскопе, — и таков был бы научный консенсус» (Collins, 1983: 105). Все элементы записи остались бы

1 Здесь мы можем вспомнить аргументы Витгенштейна против разделения поля восприятия на объекты и образы объектов. Требование, чтобы описание объекта эксплицитно учитывало тот «факт», что слова «на самом деле» описывают психический образ или изображение объекта, может только запутать описание. «Понятие изображения увиденного, равно как копии, а *вместе с ним* и понятие увиденного очень растяжимо. Оба они внутренне связаны друг с другом. (Но это *не* значит, что они аналогичны)» (Витгенштейн, 1994а: 282). Отказ Гарфинкеля и соавторов говорить об оптическом пульсаре как следе на осциллографе, теоретическом идеале, воспринимаемой фигуре или записи, оторванной от какого бы то ни было астрофизического объекта, не является шагом в сторону реализма. Скорее, они сохраняют ориентацию на «сцепку» практического действия и практического мышления «с конкретными, техническими, материально-специфическими проявлениями астрономических *вещей*» (Garfinkel, Lynch, Livingston, 1981: 142).

неизменными, однако ретроспективный смысл документируемого ею события зависел бы от «взаимодействия между [Коком и Диснеем] и их критиками в рамках более широкого научного спора, который бы последовал за их ночной работой» (Collins, 1983: 105).

Если бы такая же запись осталась после печально известных экспериментов Понса и Флейшмана с «холодным синтезом», она бы тоже зафиксировала серию восторженных криков, ситуативные предложения относительно дальнейших действий перед лицом того или иного обстоятельства, спекуляции относительно того, что все это значит, планирование объявления и т. д. Но документом *чего* были бы все эти высказывания? В случае Понса и Флейшмана это еще предстоит выяснить, хотя для них в тот момент ответ совершенно ясен. То, что Витгенштейн говорит о правилах, может быть применено и к болезненному уроку, который Понс и Флейшман получили по поводу открытий: «Стало быть, „следование правилу“ — некая практика. *Полагать* же, что следуешь правилу, не значит следовать правилу. Выходит, правилу нельзя следовать лишь «приватно»; иначе думать, что следуешь правилу, и следовать правилу было бы одним и тем же» (ФИ, § 202).

Аргумент Коллинза — особенное хорошее противоядие против любых когнитивистских и логицистских объяснений открытия, поскольку индивидуалистические модели предполагают статус открытия, но при этом абстрактно репрезентируют последовательности действий, которые описывают повторение не в меньшей степени, чем открытие[1]. Исследование ГЛЛ, однако, не поддерживает такую индивидуалистическую модель, так как фокусируется на интеракционно организованном ходе действий. И в нем не предлагается репрезентация обобщенной процедуры открытия. Но тезис Коллинза все равно гласит, что очевидный результат изолированного эпизода не считается научным открытием до тех пор, пока он не будет удостоверен членами релевантного дисциплинарного сообщества. Его аргумент даже более уместен по отношению к открытиям, чем к правилам. Говорить, что человек

1 Шлезак (Slezak, 1989: 576) отвергает подобные аргументы относительно грамматики открытия и повторения, говоря, что они касаются только имени, но не сущности открытия. Однако, это нетривиальный вопрос, поскольку он связан с тем, анализом *чего* можно назвать тот или иной анализ. Приверженцы когнитивных наук имеют веские причины испытывать воодушевление по поводу способности компьютерных программ осуществлять редукцию данных, но это не дает им оснований претендовать на то, что такие программы осуществляют открытия, когда они симулируют результаты исторических открытий.

знает, как «следовать правилу», согласуется с понятием «правило», но если бы мы сказали, что человек знает как «следовать открытию», это свидетельствовало бы лишь о его способности повторить или понять оригинальное действие.

Коллинз не принижает важность исследования ГЛЛ как всего лишь анализа группы людей за работой. Скорее, он одобряет его как детальный и местами поучительный анализ рутинных научных практик. Но, полагает он, «место полевой работы» слишком ограничено, чтобы влиять на то, станет или нет «ночная работа» астрономов открытием. «То, что сделало так, что они делали великое открытие, следует искать за пределами их ночной работы» (Collins, 1983: 105). Именно здесь вопрос начинается становиться дискуссионным.

Из обсуждения скептицизма мы помним, что «основополагающий шаг — отделение формулировки правила от формулируемой им практики». Если мы заменим «правило» на «открытие» и, в частности, «НГП», то аргумент прекрасно подойдет к рассматриваемому случаю. С грамматикой научного открытия вполне совместимо ретроспективное утверждение, что Кок и остальные впервые открыли оптический пульсар 16 января 1969 г. Эта формулировка теперь считается «правильным» описанием в астрономии; она грамматически осмысленна[1]. Астрономы обычно говорят о конкретных объектах, что их открыли один или несколько человек в конкретной обсерватории и в конкретный вечер. Не все астрономические открытия формулируются таким образом (см.: Hanson, 1967; Woolgar, 1976), но такая вариативность не лишает данную конкретную формулировку осмысленности. Философский реализм вольно обращается с грамматикой открытия, рассматривая галилеевский объект (или, что связано, данные, предположительно отражающие свойства объекта) в качестве объективного основания для действий по его репрезентации. «Трюк» заключается в отделении «отрытого объекта» от хода действий, составляющего «открытие», и в объяснении открытия свойствами «вечного» объекта.

Скептик поддерживает эту объяснительное раздвоение, но переворачивает стрелки: объект не объясняет его репрезентацию как открытие, скорее, наоборот. Репрезентация действия как открытия конституирует отрытый объект (Woolgar,

1 Тот или иной астроном мог бы усомниться в данном описании открытия. Например, астроном, убежденный, что Коку и его коллегам незаслуженно приписали честь открытия, мог бы не согласиться с описанием. Но это описание корректно в том смысле, что оно представляет собой осмысленный способ формулирования астрономического открытия.

1988a: 56ff.)[1]. Как мы видели в случае следования правилу, когда правило рассматривается в качестве «высказывания», оторванного от формулируемых им действий, оно становится жертвой бесчисленных «методологических кошмаров». Будучи деконтекстуализированными репрезентациями, открытия так же становятся уязвимы для неопределенно большого числа контрфактических случайностей (сценариев типа «что если?» в аргументе Коллинза). Соответственно, поскольку НГП не объясняет однозначно, о чем говорили Кок и Дисней на записи, что-то еще должно объяснять то, что их действия были *репрезентированы* в качестве открытия. Как не совсем грамматично выражается Коллинз, Кок и Дисней не сделали открытие, что-то еще «сделало так, что они делали великое открытие»[2].

Контрфактические сценарии (и связанные с ними методологические кошмары) оказываются бесполезными, если мы отказываемся делать изначальный скептический ход: отделять высказывание от формулируемой им деятельности. Или, точнее говоря, контрфактические сценарии могут оказаться полезными, но не в том случае, если мы свободно изобретаем их. Антискептицистское прочтение Витгенштейна, обсуждение формулировок Гарфинкелем и Саксом и описание Ливингстоном математических доказательств убеждают нас в том, что адекватно использовать высказывание в отрыве от живого порядка формулируемых им действий нельзя. К этим действиям относятся и наиболее конвенциональные способы употребления данного

1 Политика «инверсии» популярна в конструктивистских исследованиях. Ее часто ошибочно связывают с программой «деконструкции» в литературоведении. Как отмечает Фиш, «деконструировать» различение (например, в данном случае, между репрезентацией и открытым объектом) — не значит инвертировать приоритет одного термина по отношению к другому: «Оппозиция деконструируется не путем изменения иерархии полюсов на противоположную, а путем отрицания независимости полюсов, которая вообще делает возможной оппозицию» (Fish, 1989: 211).

2 Разделение на «сделанное»/«делаемое» здесь очень интересно. В предложении, предшествующим процитированному, Коллинз использует схожу структуру: «Но чтобы узнать, что в их работе делает их учеными, *делающими* великое открытие, необходимо обратиться в другое место» (Collins, 1983: 105). Регресс принимает здесь драматический характер: за актом скрывается другой акт, относящийся к той же самой категории и определяющий манифестацию первого. Что еще хуже, хотя применение термина «делаемое» к деятельности Кока и Диснея происходит без осложнений (т. е. оно осмыслено), гораздо сложнее показать, как «делаемое» функционирует в «другом месте». Мне кажется, что привлечение такого размытого источника только запутывает в прочих отношениях осмысленный способ употребления.

высказывания, подтверждающие его общепринятый смысл. Контрфактические сценарии не окружают просто так ночную работу, как если бы членов преследовали принципиальные скептические сомнения относительно возможности безупречной репрезентации. В ходе работы могут возникать конкретные сомнения и методологические подозрения, но это не оправдывает глобальные интервенции скептика.

Коллинз признает (Collins, 1989: 13), что понятие открытия релевантно для анализа ситуативных практик, так как исследователи должны предвосхищать возможную рецепцию их данных после того, как они представят их коллегами и соперникам. Потенциальные первооткрыватели не только осознают перспективную важность и новизну своих данных, но и осуществляют то, что Коллинз называет «расчетом рисков и насмешек», в процессе формулирования своих находок. Коллинз полагает, что такого рода предвосхищения реакции сообщества сами по себе не составляют открытия, поскольку не существует однозначной связи между объявлением об открытии и принятием этого объявления сообществом. Здесь Коллинз определенно прав, но было бы ошибкой утверждать, что изолированные индивиды не могут совершить открытие, пока сообщество не вынесет свое суждение об их притязаниях. Во-первых, не существует четкой границы между действиями индивидов в обсерватории и суждениями сообщества, определяющими, сделали ли они открытие. Технические действия — это не асоциальные акты, ожидающие социальной детерминации. Во-вторых, суждения релевантного сообщества — это не оценки высказываний самих по себе. В случае, который анализируют Гарфинкель и соавторы, НГП не является описанием открытия, он выступает самим открытием, и никакое изучение формы объявление об открытии не открыло бы доступ к его астрофизической объяснимости. Понимание того, о чем говорится в объявлении об открытии, предполагает осуществление определенной работы с телескопом и оборудованием обсерватории. Поэтому адекватная политика должна заключаться не в постулировании источника социальной детерминации за пределами обсерватории, а в описании того, каким образом вопрос «Открытие ли это?» является составной частью научных практик, как внутри лаборатории, так и в науке за ее стенами. В обоих случаях этот вопрос связан с локальной историчностью объекта, и на него нельзя ответить, применив литературоведческие навыки профессионального социального историка[1].

1 Брэнниган (Brannigan, 1981) описывает ряд случаев, когда представители соответствующей научной дисциплины действовали в качестве практиче-

Вопрос «Открытие ли это?» наглядно представлен в аудиозаписи, а также в анализе ГЛЛ. (Это не значит, что он перестает быть наглядным по окончании записи.) После того как Дисней заявляет: «У нас тут чертов *пульс*» (Наблюдение 18; см.: Garfinkel, Lynch, Livingston, 1981: 149), он и Кок продолжают прояснять, чем бы этот пульс мог быть. С начала записи и «до окончания записи часом спустя в середине 23-го сеанса практически все высказывания либо прямо упоминают, либо подразумевают возможность сделанного ими открытия и достижения» (Garfinkel, Lynch, Livingston, 1981: 140). Аудиозапись фиксирует ряд действий, осуществляемых в будущем совершенном времени. Участники явно ориентируются на возможность открытия, и это проявляется в диалоге, в котором Кок (как он позже рассказал в интервью) пытается «играть скептика» в ответ на заявления Диснея. Мы можем рассматривать ночную работу как вопрос установления условий успешности объявления об открытии. Когда они должны объявить о нем? Что следует сказать в объявлении? Кто поверит в него? Сколько еще сеансов следует провести, прежде чем объявление станет обоснованным? Кому сообщить в первую очередь? Кок и Дисней, очевидно, не просто посылают телеграмму и ждут реакции сообщества, точно так же как произнесение высказывания «Объявляю вас мужем и женой» не ведет к заключению брака вне соответствующих обстоятельств (Остин, 1999).

Из Наблюдения 18

Дисней: Это исторический момент.

Кок: Надеюсь, это исторический момент. Узнаем, когда считаем еще раз. Этот пик прямо посередине [экрана], и это меня пугает.

Из Наблюдения 19

Дисней: Черт возьми! У нас получилось!

Кок: Ну-ну.

Из Наблюдения 19

Дисней: Может позвонить Дону [Тэйлору]?

Кок: Э, давай изменим положение на какое-нибудь другое и посмотрим, получится ли то же самое. Хорошо? Надеюсь, это

ских социальных историков, ретроспективно подтверждая или дискредитируя «открытия» своих предшественников. Брэнниган не детализирует практические историографические методы, но его описание указывает на интересное смещение предмета истории науки. Если бы социальные историки захотели признать последствия такого смещения (что они вряд ли стали бы делать), это потребовало бы от них отказаться от любых претензий на объяснение открытий путем архивных изысканий. См. также этнографико-историографическое исследование Абир-Ам: Abir-Am, 1992.

не какой-то артефакт [э] оборудования. Может, сегодня какая-нибудь м-мышь [перегрызла провод]. (Garfinkel, Lynch, Livingston, 1981: 153)

Астрономы не просто рассуждают о контрфактических возможностях. Они рассматривают возможность того, что в ходе последующих сеансов «это» может оказаться артефактом. Кок отсылает за пределы данного эпизода к непредвиденному будущему, когда говорит о мыши в аппаратуре. Разумеется, он не начинает искать мышь. Вместо этого он и его коллеги внимательно отслеживают получаемые данные, продолжая проводить сеансы: повторяя процедуру, меняя положение телескопа, меняя частотные настройки на электронном оборудовании, меняя светофильтры и усиливая апертуру при помощи самодельной диафрагмы, которую они соорудили из фольги. К концу серии сеансов Кок соглашается с восклицанием Диснея «Это чертов пульсар!» и поддерживает мнение, что нужно позвонить их коллеге Тэйлору, чтобы рассказать об удаче. Это еще далеко не конец истории, и Коллинз прав, настаивая, что открытие нельзя свести к мгновению, зафиксированному на записи продолжительностью менее часа. Но равно ошибочным было бы утверждать, что данные и методические проверки оборудования «вынудили» Кока и Диснея прийти к единственно возможному разумному выводу. Скорее, открытие было объектом, проспективно и ретроспективно связанным с локальной историчностью ночной работы. Работа повторного получения «этого» и спецификации релевантных условий для получения «этого» обеспечивают шаткие условия успешности утвердительных высказываний Кока и Диснея относительно их объекта. Вероятно, эта временная структура сохранилась затем в дискуссиях Кока и Диснея с Тэйлором, в его первоначально скептическом отношении к их заявлениям и в его последующей проверке оборудования, в их объявлении для других обсерваторий, в дальнейших сообщениях о повторяющихся наблюдениях и т. д. В любой момент открытие могло оказаться артефактом, и оно все еще может им оказаться, но такие возможности не умаляют грамматическую роль объекта в локальной историчности работы.

Во многом различия между Коллинзом и Гарфинкелем с соавторами связаны с вопросом о том, должны ли скептические сомнения быть обязательной частью социологического анализа научных экспериментов и наблюдений. Ответить на этот вопрос «да» — значит согласиться поставить социологию в один ряд с астрономией[1]. С точки зрения ГЛЛ, открытие — это культурный

1 Аналогичная ситуация возникает, когда философы используют практики ученых в качестве основания для решения эпистемологических про-

объект, а не описание и определенно не высказывание, оторванное от хода исследования. Но откуда им известно, что это действительно открытие, а не артефакт или повторение? Относиться к этому вопросу серьезно — значит проводить такое же исследование, как Кок и Дисней. Только в случае ГЛЛ исследование было бы косвенным, бесполезным для обсерватории. ГЛЛ не утверждают, что магнитофонная запись позволяет «схватить» открытие[1]. Но это не означает, что открытие объясняется событиями за пределами практик астрономов. «Исследования *и* объекты переплетены. Это

блем. Шейпир (Shapere, 1982: 519–520) выдвигает примерно тот же самый аргумент относительно проблем с обобщенным скептицизмом, который выдвинул я в этом разделе. Но затем он рассматривает технические практики физиков в ходе экспериментов по регистрации солнечных нейтрино в качестве ответов на общефилософские вопросы: «Мы увидели, что (и как) наука опирается на полученные знания и что этот процесс конструирования заключается не только в добавлении нового существенного знания, но и в усилении нашей способности познавать природу вследствие расширения нашей способности наблюдать. Эти выводы представляют собой важный шаг к пониманию того, как, в конечном счете, наше знание опирается на наше наблюдение» (Shapere, 1982: 522). Шейпир использует местоимения «мы» и «наш» для включения того, что знают или делают физики, в его собственные общефилософские поиски. Его подход возлагает огромный ответственность на философа, поскольку он основывает свой философский аргумент на ряде технических практик, относящихся к совершенно иной дисциплине. Это позволяет оспорить философские претензии Шейпира, поставив под вопрос его техническое понимание физики. Релятивистское опровержение выводов Шейпира относительно экспериментов по регистрации солнечных нейтрино см. в: Pinch, 1986. Другой пример см. в: Galison, 1987: 257–260 и Franklin, 1990: 164ff., где критикуются контрфактические аргументы Пикеринга (Pickering, 1984a, 1984b) относительно физических экспериментов со слабыми токами нейтральных частиц. Галисон более осторожен, чем Шейпир и Франклин, в рассмотрении экспериментальных техник физиков как базового основания для реалистских притязаний, но в пылу спора с конструктивистской социологией Пикеринга он иногда утверждает, что суждения экспериментаторов «навязываются» данными. Пикеринг полагает, отчасти, что данные не оказывают «принудительного воздействия» на экспериментальные суждения физиков, изучающих элементарные частицы, и что экспериментальные практики и природные феномены «неразрывно связаны» (Pickering, 1984b: 97). В этом он совпадает с Витгенштейном (Витгенштейн, 1994, §§ 139, 140).

1 Запись зафиксировала не только голоса, но и электронные данные наблюдений, что позволяет, при использовании соответствующего оборудования, изучить данные, собранные тем вечером. Если не считать того, что изучение этих данных спустя двадцать лет не будет считаться открытием (до тех пор, пока не будет открыто, что Кок и Дисней неправильно прочитали свои данные), такой проект был бы очень похож на то, чем занимались Кок и Дисней: извлечение феномена из данных.

не философские игрушки» (Garfinkel, Lynch, Livingston, 1981: 142). И не социологические тоже.

Эмпирическое развитие Витгенштейна

Когда Витгенштейн рекомендовал описательный, а не объяснительный подход к языку, он, на мой взгляд, не защищал ни эмпирическую социологию языка, ни интроспективную форму рефлексии. В отношении последней он отмечал, что нет нужды создавать философию второго порядка для рефлексивного понимания ее нерефлексивного эквивалента. «Можно подумать: коли философия трактует употребление слова „философия", то должна существовать некая философия второго порядка. Но это как раз не так; данная ситуация скорее уж соответствует случаю с орфографией, которая должна заниматься и правописанием слова «орфография», не превращаясь при этом в нечто, относящееся ко второму порядку» (ФИ, § 121).

Тогда как нам «всматриваться» в работу нашего языка? Витгенштейн замечает, что «мы не *обозреваем* употребления наших слов. — Нашей грамматике недостает такой наглядности» (ФИ, § 122). Приняв рефлексивную установку традиционной философии, мы начинаем легко приписывать сущностные или ядерные смыслы таким резонансным терминам, как «знать», «репрезентировать», «разумный» и «истинный», и создавать такие гипостазированные понятия, как «знание», «репрезентация», «разум» и «истина». Приводя интуитивные примеры из естественного языка и конструируя воображаемые «племена» и языковые игры, систематически отличающиеся от привычных нам способов употребления, Витгенштейн проблематизирует эпистемологию, показывая вариативность, систематическую неоднозначность и при этом очевидную осмысленность повседневной языковой практики.

Как отмечает Блур (Bloor, 1983), Витгенштейн разрабатывает «воображаемую этнографию», а не эмпирическую этнографию языка. Это не обязательно недостаток, поскольку Витгенштейн (ФИ, § 122) изобретает свои случаи в качестве «наглядных репрезентаций» — примеров, которые систематически упорядочиваются с целью демонстрации «связей» в нашей грамматике. Развитие проекта Витгенштейна может предполагать изучение эмпирических случаев, но не с целью, как предлагает Блур, трансформации спекулятивного метода в объяснительный. Наоборот, как советует Гарфинкель (Garfinkel, 1967: 38), эмпирические исследования могут проводиться, прежде всего, чтобы «подстегнуть вялое воображение».

Известные упражнения Гарфинкеля по созданию проблемных ситуаций можно рассматривать в качестве методов наглядной репрезентации — интервенций, которые разрушают повседневные сцены с целью выявления их практической организации[1]. Идея наглядной репрезентации также применима к ранним конверсационно-аналитическим исследованиям. Сакс первоначально анализировал записи разговоров с целью поиска примеров обыденной языковой практики, которая ускользает от рефлексивных и идеально-типических модусов исследования, принятых в философии обыденного языка и теории речевых актов[2]. В более современных работах Гарфинкель предложил набор упражнений для превращения центральных понятий эпистемологии (рациональность, правила, деятельность и т. д.) в «наглядные феномены»[3].

Таким образом, развитие поздней философии Витгенштейна в ESW — это не столько шаг в направлении эмпирической

1 Для читателей, не знакомых с этими интервенциями, скажем, что они представляли собой упражнения, в ходе которых, например, студенты, живущие дома, общались с родными так, будто они незнакомы с ними, или семейные студенты настойчиво просили свою супругу/супруга объяснить или исчерпывающе раскрыть любое высказывание, произнесенное в рядовом разговоре. Эти обстоятельства не только делали невозможным какое-либо обыденное взаимодействие, но и оказывались крайне неприятными и часто заканчивались обвинениями в предательстве, подозрительности и общей неуживчивости.

2 Многие из ранних лекций Сакса представляли собой выступления, в которых рассматривался тот или иной фрагмент его коллекции транскрибированных разговоров. В ходе одного из таких обсуждений Сакс замечает: «...я пытаюсь сделать транскрипт заслуживающим моего внимания» (Sacks, 1992, I: 526). Хотя в своих ранних лекциях Сакс так же демонстрировал научные амбиции, его анализ транскриптов отличается от разработанной позже им и его коллегами модели правил смены говорящих. В ранних лекциях, например, в лекциях 1964–1965 гг., он постоянно возвращается к вопросам логики и философии языка. Сакс использует определенные фрагменты разговоров для критики логико-грамматических исследований, основанных на интуитивных примерах.

3 В качестве примера можно привести исследование экспериментальной практики, предпринятое Фридрихом Шрекером (Schrecker, 1980; Lynch, Livingston, Garfinkel, 1983), в котором Шрекер (аспирант, посещавший семинары Гарфинкеля), помогал студенту-инвалиду с его лабораторной работой. Во время лабораторных занятий Шрекер, по сути, выступал в качестве «тела» этого студента. Взаимодействие между ними записывалось на видео. Вербальные инструкции, которые студент-химик давал Шрекеру, делали наглядной работу перемещения и упорядочивания оборудования таким образом, чтобы возникала «осмысленная» экспозиция текущего состояния эксперимента.

социологии, сколько попытка переоткрыть смысл центральных эпистемологических понятий и тем. Слово «переоткрыть» используется здесь в специфическом значении. Хотя мы, как носители обыденного языка, уже знаем, каковы правила и что значит объяснять, соглашаться, оправдываться или следовать инструкциям, это не значит, что наше понимание можно выразить в определениях, логических формулах или даже идеально-типических примерах. Этнометодологические описания рутинных ситуативных действий наблюдения, объяснения или доказательства позволяют переоткрыть и респецифицировать то, каким образом эти центральные темы становится релевантными в конкретных контекстах деятельности. Описания ситуативного производства наблюдений, объяснений, доказательств и т. д. создают более дифференцированную и тонкую картину эпистемических действий, нежели то, что предлагается в обобщенных описаниях и привычных эпистемологических спорах.

Результатом должен быть не некий единообразный набор правил или проблем, связанных с каждой эпистемической темой. Например, рассмотрим примитивную эпистемическую операцию «счета». Счет, понятий как этнометодологический феномен, ни в коем случае не сводится к операции над рядом чисел. Счет становится наглядным совершенно разными способами в зависимости от изучаемых эмпирических сред. Это эксплицитная процедура, используемая сотрудниками тюрем особо строгого режима, переписчиками, лаборантами всех сортов и, например, членами избирательных комиссий в Панаме[1]. Языковые игры в каждой из этих сред существенно различаются, хотя участники каждой из них используют ряд натуральных чисел контингентным способом. Работа счета в каждом из этих случаев социально организована, так что значение «навыка», «правильной процедуры», «ошибки», «недостачи», «исправления» и «адекватных результатов» сложно отнести к тому, что нам обычно приходит на ум, когда мы думаем

1 Принципы такого подхода к счету представлены в неопубликованных заметках Гарфинкеля «Размышления о том, как члены считают членов» (1962). Пример со счетом заключенных основан на неформальных беседах с сотрудниками Федеральной тюрьмы штата Вашингтон (г. Валла-Валла) во время совместных заседаний и визитов в тюрьму группы по исследованию тюрем Колледжа Уитмена. Другие примеры повседневной арифметики, используемой покупателями в супермаркетах, людьми, сидящими на диете, и либерийскими торговцами представлены в: Lave, 1988. Антропологические исследования Лэйв напрямую не связаны с этнометодологией или Витгенштейном, но представляют собой прекрасный источник идей и примеров, касающихся ситуационных способов измерения и счета.

об арифметике. Процедуры и меры предосторожности, применяемые, например, помощником надзирателя для обеспечения правильного подсчета заключенных несколько раз в день, представляют собой нередуцируемо организационную практику. И хотя подсчет заключенных включает в себя математические связи и практики, помощник надзирателя вряд ли будет математически решать проблемы, связанные с недостачами, ложными результатами и т. п.

Осуществление счета в практической обстановке, вроде тюрьмы особо строгого режима, может обнаруживать мастерство особого рода — мастерство, учитывающее контингентные возможности ошибки, исправления и предупреждения. Такое мастерство может сильно отличаться от всего, что обсуждал или даже мог вообразить себе Витгенштейн, говоря о счете. Следовательно, этнометодологическое исследование таких феноменов развивало бы подход Витгенштейна не только для того чтобы охватить новые случаи, но и для того чтобы адаптировать его к описанию уникальных порядков воплощенных действий в организационных ситуациях. Такое развитие Витгенштейна представляет собой не столько замещение воображаемых исследований языка реальной этнографией, сколько переход от исследований ключевых понятий к анализу способов интеграции этих понятий в обыденную практическую деятельность. Этнометодология — отнюдь не завершенная или целиком последовательная программа, но она указывает, каким образом можно прояснять эпистемологические термины в рамках сугубо эмпирической формы исследования.

Перевод с английского Андрея Корбута

Библиография

1. *Башляр Г.* Новый научный дух // *Башляр Г.* Новый рационализм/Пер. с фр. Ю. П. Сенокосова и Г. Я. Туровера. М.: Прогресс, 1987. С. 28–159.
2. *Бейкер Г. П., Хакер П. М. С.* Скептицизм, правила и язык/Пер. с англ. В. А. Ладова и В. А. Суровцева под общ. ред. В. А. Суровцева. М.: Канон+, 2008.
3. *Блур Д.* Сильная программа в социологии знания/Пер. с англ. С. Гавриленко под ред. А. Толстова // Логос. 2002. № 5/6. С. 162–185.
4. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I/Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994а. С. 75–319.
5. *Витгенштейн Л.* О достоверности // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I/Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994б. С. 321–405.
6. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. II: Замечания по основаниям математики/Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994 в.
7. *Гилберт Дж. Н., Малкей М.* Открывая ящик Пандоры: социологический анализ высказываний ученых/Пер. с англ. М. Бланко. М.: Прогресс, 1987.

8. *Женетт Ж.* Повествовательный дискурс/Пер. с фр. Н. Перцова // *Женетт Ж.* Фигуры. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. С. 60–279.
9. *Крипке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке/Пер. с англ. В. А. Ладова и В. А. Суровцева под общ. ред. В. А. Суровцева. М.: Канон+, 2010.
10. *Кун Т.* Структура научных революций/Пер. с англ. И. З. Налетова // *Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2001. С. 9–268.
11. *Малкей М.* Наука и социология знания/Пер. с англ. А. Л. Великовича. М.: Прогресс, 1983.
12. *Остин Дж.* Как производить действия при помощи слов/Пер. с англ. В. П. Руднева // *Остин Дж.* Избранное. М.: Идея-пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 11–135.
13. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы/Пер. с англ. В. В. Целищева. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1997.
14. *Уинч П.* Идея социальной науки и ее отношение к философии/Пер. с англ. М. Горбачева и Т. Дмитриева. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
15. *Фуко М.* Рождение клиники/Пер. с фр. А. Ш. Тхостова. М.: Смысл, 1998.
16. *Хакинг Я.* Представление и вмешательство: введение в философию естественных наук/Пер. с англ. С. Кузнецова. М.: Логос, 1998.
17. *Abir-Am P.* A historical ethnography of a scientific anniversary in molecular biology: the first protein X-ray photograph (1984, 1934) // Social Epistemology. 1992. Vol. 6. № 4. P. 323–354.
18. *Amann K., Knorr-Cetina K.* The fixation of (visual) evidence // Human Studies. 1988. Vol. 11. № 2–3. P. 1337–1369.
19. *Anderson R. J., Hughes J. A., Sharrock W. W.* Some initial difficulties with the sociology of knowledge: a preliminary examination of «the strong programme». Unpublished manuscript. Manchester Polytechnic University, Lancaster University, and University of Manchester, 1988.
20. *Ashmore M., Mulkay M., Pinch T.* Health and efficiency: a sociology of health economics. Milton Keynes: Open University Press, 1989.
21. *Baker G. P., Hacker P. M. S.* Wittgenstein: rules, grammar, and necessity. Oxford: Basil Blackwell, 1985.
22. *Barnes S. B.* Scientific knowledge and sociological theory. L.: Routledge and Kegan Paul, 1974.
23. *Barnes S. B.* Interests and the growth of knowledge. L.: Routledge and Kegan Paul, 1977.
24. *Barnes S. B.* Thomas Kuhn and social science. L.: Macmillan, 1982.
25. *Bloor D.* Wittgenstein and Mannheim on the sociology of mathematics // Studies in the History and Philosophy of Science. 1973. Vol. 4. № 2. P. 173–191.
26. *Bloor D.* Knowledge and social imagery. L.: Routledge and Kegan Paul, 1976.
27. *Bloor D.* Wittgenstein: a social theory of knowledge. N. Y.: Columbia University Press, 1983.
28. *Bloor D.* The living foundations of mathematics // Social Studies of Science. 1987. Vol. 17. № 2. P. 337–358.
29. *Bogen D., Lynch M.* Taking account of the hostile native: plausible deniability and the production of conventional history in the Iran-Contra Hearings // Social Problems. 1989. Vol. 36. № 3. P. 197–224.
30. *Bogen D., Lynch M.* Social critique and the logic of description: a response to McHoul //

Journal of Pragmatics. 1990. Vol. 14. № 3. P. 131–147.

31. **Brannigan A.** *The social basis of scientific discoveries. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.*
32. **Callon M.** *Some elements of a sociology of translation: domestication of the scallops and the fishermen of St. Brieuc Bay // Power, action and belief: a new sociology of knowledge?/Ed. J. Law. L.: Routledge, 1986. P. 196–223.*
33. **Cambrosio A., Keating P.** *«Going monoclonal»: art, science, and magic in the day-to-day use of hybridoma technology // Social Problems. 1988. Vol. 35. № 3. P. 244–260.*
34. **Campbell D. T.** *A tribal model of the social system vehicle carrying scientific knowledge // Knowledge. 1979. Vol. 1. № 2. P. 181–201.*
35. **Cavell S.** *The claim of reason: Wittgenstein, skepticism, morality, and tragedy. Oxford: Oxford University Press, 1979.*
36. **Collins H. M.** *The TEA set: tacit knowledge and scientific networks // Science Studies. 1974. Vol. 4. № 2. P. 165–186.*
37. **Collins H. M.** *The seven sexes: a study in the sociology of a phenomenon, or the Replication of experiments in physics // Sociology. 1975. Vol. 9. № 2. P. 205–224.*
38. **Collins H. M.** *An empirical relativist programme in the sociology of scientific knowledge // Science observed: perspectives on the social study of science/Ed. K. Knorr-Cetina and M. Mulkay. L.: Sage, 1983. P. 83–113.*
39. **Collins H. M.** *Changing order: replication and induction in scientific practice. L.: Sage, 1985.*
40. **Collins H. M.** *The location of knowledge. Paper prepared for conference on «The place of experiment» (Van Leer Jerusalem Institute and Tel Aviv University, Israel). 1989.*
41. **Coulter J.** *Mind in action. Oxford: Polity Press, 1989.*
42. **Dummett M.** *Wittgenstein's philosophy of mathematics // Wittgenstein: the «Philosophical investigations»/Ed. G. Pitcher. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1968. P. 420–447.*
43. **Edge D., Mulkay M.** *Astronomy transformed: the emergence of radio astronomy in Britain. N. Y.: Wiley, 1976.*
44. *Ethnomethodological studies of work/Ed. H. Garfinkel. L.: Routledge and Kegan Paul, 1986.*
45. **Filmer P.** *Garfinkel's gloss: a diachronically dialectical, essential reflexivity of accounts //Writing Sociology. 1976. № 1. P. 69–84.*
46. **Fish S.** *Doing what comes naturally: change, rhetoric, and the practice of theory in literary and legal studies. Durham: Duke University Press, 1989.*
47. **Franklin A.** *Experiment right or wrong. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.*
48. **Fujimura J. H.** *Constructing «do-able» problems in cancer research: articulating alignment //Social Studies of Science. 1987. Vol. 17. № 2. P. 257–293.*
49. **Galison P.** *How experiments end. Chicago: University of Chicago Press, 1987.*
50. **Garfinkel H.** *Studies in ethnomethodology. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1967.*
51. **Garfinkel H.** *Evidence for locally produced, naturally accountable phenomena of order, logic, reason, meaning, method, etc., in and as of the essential quiddity of immortal ordinary society (I of IV): an announcement of studies //Sociological Theory. 1988. Vol. 6. № 1. P. 103–106.*
52. **Garfinkel H., Sacks H.** *On formal structures of practical actions // Theoretical sociology: perspectives and development/Ed. J. C. McKinney and E. A. Tiryakian. N. Y.: Appleton-*

Century-Crofts, 1970. P. 337–366.

53. ***Garfinkel H., Lynch M., Livingston E.*** *The work of a discovering science construed with materials from the optically discovered pulsar // Philosophy of the Social Sciences. 1981. Vol. 11. № 2. P. 131–158.*
54. ***Garfinkel H., Livingston E., Lynch M., MacBeth D., Robillard A. B.*** *Respecifying the natural sciences as discovering sciences of practical action, 1 and 2; doing so ethnographically by administering a schedule of contingencies in discussions with laboratory scientists and by hanging around their laboratories. Department of Sociology, University of California, Los Angeles, 1989.*
55. ***Gerson E. M., Star S. L.*** *Representation and rerepresentation in scientific work. San Francisco: Tremont Research Institute, 1987.*
56. ***Gieryn T. F.*** *Boundary-work and the demarcation of science from non-science: strains and interests in professional ideologies of scientists // American Sociological Review. 1983. Vol. 48. № 6. P. 781–795.*
57. ***Gieryn T. F., Figert A. E.*** *Ingredients for a theory of science in society: o-rings, ice water, c-clamp, Richard Feynman, and the press // Theories of science in society/Ed. S. E. Cozzens and T. F. Gieryn. Bloomington: Indiana University Press, 1990. P. 67–97.*
58. ***Hacking*** *. Wittgenstein rules // Social Studies of Science. 1984. Vol. 14. № 3. P. 469–476.*
59. ***Hacking*** *. The self-vindication of the laboratory sciences // Science as practice and culture/Ed. A. Pickering. Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 29–64.*
60. ***Hanfling O.*** *Was Wittgenstein a sceptic? // Philosophical Investigations. 1985. Vol. 8. № 1. P. 1–16.*
61. ***Hanson N. R.*** *An anatomy of discovery // Journal of Philosophy. 1967. Vol. 64. № 11. P. 321–352.*
62. ***Heritage J.*** *Garfinkel and ethnomethodology. Oxford: Polity Press, 1984.*
63. ***Heritage J. C., Watson D. R.*** *Aspects of the properties of formulations in natural conversations: some instances analyzed // Semiotica. 1980. Vol. 30. № 3–4. P. 245–262.*
64. ***Hesse M.*** *The structure of scientific inference. L.: Macmillan, 1974.*
65. ***Hunter J. F. M.*** *«Forms of life» in Wittgenstein's «Philosophical investigations» // Essays on Wittgenstein/Ed. E. D. Klemke. Urbana: University of Illinois Press, 1971. P. 273–297.*
66. ***Hunter J. F. M.*** *Logical compulsion // **Hunter J. F. M.** Essays after Wittgenstein. Toronto: University of Toronto Press, 1973. P. 171–202.*
67. ***Hunter J. F. M.*** *Understanding Wittgenstein: studies of «Philosophical investigations». Edinburgh: Edinburgh University Press, 1985.*
68. ***Jordan B., Fuller N.*** *On the non-fatal nature of trouble: sense-making and trouble-managing in **lingua franca** talk // Semiotica. 1974. Vol. 13. № 1. P. 1–31.*
69. ***Jordan K., Lynch M.*** *The sociology of a genetic engineering technique: ritual and rationality in the performance of the «plasmid prep» // The right tools for the job: at work in twentieth century life sciences/Ed. A. Clarke and J. Fujimura. Princeton: Princeton University Press, 1992. P. 77–114.*
70. *Knowledge and reflexivity: new frontiers in the sociology of knowledge/Ed. S. Woolgar. L.: Sage, 1988.*
71. ***Latour B.*** *Will the last person to leave the social studies of science please turn on the tape recorder? // Social Studies of Science. 1986. Vol. 16. № 3. P. 541–548.*
72. ***Latour B.*** *Science in action. Cambridge: Harvard University Press, 1987.*
73. ***Latour B.*** *The pasteurization of France/Trans. A. Sheridan and J. Law. Cambridge:*

Harvard University Press, 1988.

74. **Laudan L.** *The pseudo-science of science? // Philosophy of the Social Sciences. 1981. Vol. 11. № 2. P. 173–198.*
75. **Lave J.** *Cognition in practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.*
76. **Law J.** *On the methods of long-distance control: vessels, navigation, and the Portuguese Route to India // Power, action and belief: a new sociology of knowledge?/Ed. J. Law. L.: Routledge, 1986. P. 231–260.*
77. **Law J., Callon M.** *Engineering and sociology in a military aircraft project: a network analysis of technological change // Social Problems. 1988. Vol. 35. № 3. P. 284–297.*
78. **Livingston E.** *Answers to field examination questions in the field of sociology, philosophy, and history of science. Department of Sociology, University of California, Los Angeles, 1979.*
79. **Livingston E.** *The ethnomethodological foundations of mathematics. L.: Routledge and Kegan Paul, 1986.*
80. **Livingston E.** *Making sense of ethnomethodology. L.: Routledge and Kegan Paul, 1987.*
81. **Luckhardt C. G.** *Wittgenstein and behaviorism // Synthese. 1983. Vol. 56. № 3. P. 319–338.*
82. **Lynch M.** *Technical work and critical inquiry: investigations in a scientific laboratory // Social Studies of Science. 1982. Vol. 12. № 4. P. 499–534.*
83. **Lynch M.** *Art and artifact in laboratory science: a study of shop work and shop talk in a research laboratory. L.: Routledge and Kegan Paul, 1985a.*
84. **Lynch M.** *Discipline and the material form of images: an analysis of scientific visibility // Social Studies of Science. 1985b. Vol. 15. № 1. P. 37–66.*
85. **Lynch M.** *The externalized retina: selection and mathematization in the visual documentation of objects in the life sciences // Human Studies. 1988a. Vol. 11. № 2–3. P. 201–234.*
86. **Lynch M.** *Alfred Schutz and the sociology of science // Worldly phenomenology: the influence of Alfred Schutz on human science/Ed. L. Embree. Washington: University Press of America, 1988b. P. 71–100.*
87. **Lynch M., Livingston E., Garfinkel H.** *Temporal order in laboratory work // Science observed: perspectives on the social study of science/Ed. K. Knorr-Cetina and M. Mulkay. L.: Sage, 1983. P. 205–238*
88. **MacKenzie D.** *Statistical theory and social interests: a case-study // Social Studies of Science. 1978. Vol. 11. № 1. P. 35–83.*
89. **Malcolm N.** *Wittgenstein on language and rules // Philosophy. 1989. Vol. 64. № 247. P. 5–28.*
90. **Morrison K. L.** *Some properties of «telling-order designs» in didactic inquiry // Philosophy of the Social Sciences. 1981. Vol. 11. № 2. P. 245–262.*
91. **Phillips D. L.** *Wittgenstein and scientific knowledge: a sociological perspective. L.: Macmillan, 1977.*
92. **Pickering A.** *Constructing quarks: a sociological history of particle physics. Chicago: University of Chicago Press, 1984a.*
93. **Pickering A.** *Against putting the phenomena first: the discovery of the weak neutral current // Studies in the History and Philosophy of Science. 1984b. Vol. 15. № 2. P. 85–117.*
94. **Pickering A.** *Big science as a form of life // The restructuring of the physical sciences in Europe and the United States, 1945–1960/Ed. M. De Maria and M. Grilli. Singapore: World Scientific Publishing, 1988. P. 42–54.*

95. **Pinch T. J.** *Confronting nature: the sociology of solar neutrino detection. Dordrecht: D. Reidel, 1986.*
96. **Pinch T. J., Bijker W.** *The social construction of facts and artifacts, or How the sociology of science and the sociology of technology might benefit each other // Social Studies of Science. 1984. Vol. 14. № 3. P. 399–441.*
97. *Rationality and relativism/Ed. M. Hollis and S. Lukes. L.: Routledge and Kegan Paul, 1982.*
98. *Representation in scientific practice/Ed. M. Lynch and S. Woolgar. Cambridge: MIT Press, 1990.*
99. **Sacks H.** *Lectures on conversation. 2 vols. Oxford: Blackwell, 1992.*
100. **Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G.** *A simplest systematics for the organization of turn-taking in conversation // Language. 1974. Vol. 50. № 4. P. 697–735.*
101. **Schrecker F.** *Doing a chemical experiment: the practices of chemistry students in a student laboratory in quantitative analysis. Department of Sociology, University of California, Los Angeles, 1980.*
102. *Science observed: perspectives on the social study of science/Ed. K. Knorr-Cetina and M. Mulkay. L.: Sage, 1983.*
103. **Shanker S. G.** *Wittgenstein and the turning-point in the philosophy of mathematics. Albany: SUNY Press, 1987.*
104. **Shapere D.** *The concept of observation in science and philosophy // Philosophy of Science. 1982. Vol. 49. № 4. P. 485–525.*
105. **Shapin S.** *The politics of observation: cerebral anatomy and social interests in the Edinburgh phrenology disputes // On the margins of science: the social construction of rejected knowledge/Ed. R. Wallis. Keele: Keele University, 1979. P. 139–178.*
106. **Shapin S.** *History of science and its sociological reconstructions // History of Science. 1982. Vol. 20. № 3. P. 157–211.*
107. **Shapin S.** *Pump and circumstance: Robert Boyle's literary technology // Social Studies of Science. 1984. Vol. 14. № 4. P. 481–520.*
108. **Sharrock W. W., Anderson R. J.** *The Wittgenstein connection // Human Studies. 1984. Vol. 7. № 3–4. P. 375–386.*
109. **Sharrock W. W., Anderson R. J.** *Magic, witchcraft, and the materialist mentality // Human Studies. 1985. Vol. 8. № 4. P. 357–375.*
110. **Slezak P.** *Scientific discovery by computer as empirical refutation of the strong programme // Social Studies of Science. 1989. Vol. 19. № 4. P. 563–600.*
111. **Star S. L.** *Simplification in scientific work: an example from neuroscience research // Social Studies of Science. 1983. Vol. 13. № 2. P. 205–228.*
112. **Suchman L.** *Plans and situated actions: the problem of human — machine communication. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.*
113. *Taking the stand: the testimony of Lieutenant Colonel Oliver L. North. N. Y.: Pocket Books, 1987.*
114. *The social construction of technological systems: new directions in the sociology and history of technology/Ed. W. E. Bijker, T. P. Hughes, T. J. Pinch. Cambridge: MIT Press, 1987.*
115. *The social shaping of technology/Ed. D. MacKenzie and J. Wajcman. Milton Keynes: Open University Press, 1985.*
116. **Turner S. P.** *Interpretive charity, Durkheim, and the «strong programme» in the sociology*

of knowledge // Philosophy of the Social Sciences. 1981. Vol. 11. № 2. P. 231–244.

117. ***Wittgenstein L.*** *Zettel/Ed. G. E. M. Anscombe and G. H. von Wright. Oxford: Basil Blackwell, 1967.*
118. ***Wittgenstein L.*** *Wittgenstein's lectures on the foundations of mathematics/Ed. C. Diamond. Ithaca: Cornell University Press, 1976.*
119. ***Woolgar S. W.*** *Writing an intellectual history of scientific development: the use of discovery accounts // Social Studies of Science. 1976. Vol. 6. № 3–4. P. 395–422.*
120. ***Woolgar S.*** *Interests and explanations in the social study of science // Social Studies of Science. 1981. Vol. 11. № 3. P. 365–394.*
121. ***Woolgar S.*** *Science: the very idea. L.: Tavistock, 1988a.*
122. ***Woolgar S.*** *Time and documents in researcher interaction: some ways of making out what is happening in experimental science // Human Studies. 1988b. Vol. 11. № 2–3. P. 171–200.*